

Без права совершить последнюю молитву

[Айдын Гударзи-Наджафов](#)

Документальная повесть "Без права совершить последнюю молитву", впервые была опубликована в 2003 году в Узбекистане в газете Зеркало XXI (www.zerkalo21.uz). Повесть рассказывает о судьбе таджикского боевика Ризвона Сидирова, его брата Бахрома и их ближайших соратников по Афганистану-Таджикистану с которыми автору довелось долгое время общаться не в качестве единомышленника.

«Не услышат они там ни болтовни, ни обвинений во лжи в воздаяние от твоего Господа – дар, расчёт - Господа небес и земли и того, что между ними, Милостивого. Они не получают от Него речи – в тот день, когда станут дух и ангелы рядами; не будет говорить никто, кроме тех, кому позволит Милосердный, и скажет Он истину».

(Коран. Сура 78)

Часть первая.

Оставшиеся в живых боевики, под командованием Ризвона Сидирова, шли по ущелью, надеясь выйти к оторванному от внешнего мира селению. Ещё несколько часов назад никто не мог предположить, что отмеченное на маршрутной карте маленькой точкой селение, станет для них единственным убежищем в этих пустынных горах. Они шли по выверенному много километровому маршруту, к Душанбе. Группа обходила стороной небольшие селения, но пищевые концентраты, единственно, чем питались боевики эти дни, закончились, и именно это заставило Ризвона спуститься в небольшой районный городок.

Он долго, сверху рассматривал в бинокль раскинувшиеся внизу, пустынные в эти предвечерние часы улицы. Ни у самого Ризвона, ни у одного из его людей в этом районе, как и в самом городке не было ни родственников, ни знакомых и это усложняло ситуацию. Но другого выхода не было, и как бы это не было рискованно, они должны найти любой продовольственный магазин или на крайний случай коммерческий ларёк, и набрать продуктов.

Рассмотрев ближний к дороге дом, Ризвон решил именно к нему направить двоих боевиков. Несколько минут, они крадучись спускались к пустынной шоссейной дороге и, перебежав её, залегли у невысокой ограды сада. Прошло ещё некоторое время, и их спины скрылись за деревьями в метрах двадцати от дома, в окнах которого горел свет. Всё было тихо. Ризвон видел как один из боевиков, оставив своего товарища для прикрытия, и немного выждав, крадучись вошёл в дом. И сразу же воздух потрясли разрывы гранат и стрекот автоматных выстрелов в саду. Выбежавший из дома боевик, сделав на ходу несколько выстрелов в сторону двери, повалился на землю, скошенный автоматной очередью.

Ризвон шепча проклятия, наблюдал, как второй моджахед, яростно отстреливался от непонятно откуда появившихся в саду солдат спецназа, в своей пятнистой камуфляжной форме сливающихся с деревьями и кустами. Он дал приказ оставшимся с ним боевикам не открывать огонь - моджахед, отстреливающийся короткими автоматными очередями, был

обречён. Бой в саду длился несколько минут. С вершины холма боевикам было хорошо видно как солдаты, оставив за спиной тела двух погибших боевиков пригибаясь к земле, цепью перебежали сад, направляясь к дороге. И сразу же рядом в нескольких метрах от самого Ризвона, разорвалась мина, чуть дальше вторая, третья – стреляли из миномётов. Моджахедов, укрытых густым кустарником и крупными в человеческий рост валунами, осыпали комья сырой земли и ветки кустарника.

Ризвон короткой командой поднял группу и они, отстреливаясь и, низко пригибаясь к сырой земле, редкими перебежками стали уходить вверх в гору, сливаясь своей серо-чёрной коммункальной формой со скалами. Никто никому не помогал - каждый мысленно отдал себя на милость Аллаху. Только Ризвон в последний раз оглянулся, на раскинувшийся внизу городок. Он бросал за спиной убитых в саду, как делал это уже много раз, успокаивая себя мыслью – из праха пришедшие, к праху возвращаются, а о душах позаботится Аллах.

За спинами продолжали разрываться мины, но, ни их осколки, как и трассирующие пули автоматных очередей, ни одному из боевиков не причинили вреда. Только благодаря наступающим вечерним сумеркам группе удалось оторваться от недолгого преследования, и затеряться среди скал, где не то, что в вечернем мраке, днём было страшно передвигаться.

Ризвон понимал: утром их начнут искать. Но этого, могло и не произойти: не зная точно численности боевиков, армейские командиры не всегда посылали группы преследования, которые, как правило, не владея практикой ведения ночного боя в горных условиях, в большинстве случаев сами становились мишенью. Ризвон не стал успокаивать себя этими рассуждениями, взяв за основу вариант разворачивающихся событий – преследование, при котором нельзя расслабляться.

В запасе у группы была ночь, в течение, которой надо было добраться до селения, и, взяв проводника, уходить дальше в горы, в которых их не смогут найти - горы всегда были надёжным и проверенным убежищем тем, кто хотел укрыться в их молчаливом просторе. Уже через два часа в полной темноте группа вышла на небольшую и относительно ровную площадку, покрытую редким кустарником. Только здесь Ризвон объявил короткий привал. Отдыхали молча. В этой гнетущей тишине нарушаемой шелестом ветра блуждающего меж скал, никто не обсуждал происшедшего, и уж тем более, не сожалел о погибших - смерть своя или чужая была их давней, и никого не пугающей спутницей. Мысли о ней лишь завораживали их сознание, тем неведомым, что им было обещано в другой, не земной жизни.

Всё происходящее с человеком предопределено Аллахом и всё подвластно только Ему – думал Ризвон, пытаясь рассмотреть сидящих вокруг него моджахедов. В темноте он не видел их лиц, различая только чёрные силуэты, казавшиеся холодными каменными изваяниями. Ещё он подумал, что боевики отличаются от камней только тем, что имеют души, и тут же вспомнил хадис пророка, рассказывающий о том, как Аллах наказал горы, превратив некоторую часть их пустынной поверхности в каменные скалы, только за то, что горы эхом повторяли чужие голоса. Может, и его люди будут наказаны Аллахом, за то, что живут, повторяя его слова, и выполняя его команды?

Когда-то в детстве, он приезжая с родителями в горы недалеко от Душанбе выкрикивал слова, а потом с удивлением слушал эхо возвращающее ему их. Но тогда он не знал этого хадиса, как не знал того, что таила в себе вера, ради которой он сегодня сидит здесь. Он закрыл глаза и улыбнулся, подумав: было бы хорошо, если эхо могло возвращать не только слова, но и многое из того, что навсегда ушло из жизни. Но он тут же заставил себя

оторваться от пугающих его мыслей – в этой жизни всё безвозвратно, и однажды ушедшее из неё уже не вернётся, ни с эхом, ни без него. И ещё он подумал, что человек может иметь своё продолжение только там, в будущей жизни, но только после завершения того, что ему предначертано вершить на земле.

-Сегодня, Аллах отвёл смерть от вас и от меня. Он забрал только тех, чей час пребывания на земле был определён, Им же. – Ризвон произнёс это шёпотом, но в звенящей тишине, его слышали все, кто сидел рядом.

Не вставая, он стал растирать руки и лицо сырой землей, не сомневаясь, что его боевики, так же как и он совершат тахарат, а потом встанут стеной, и он, чувствуя их присутствие, совершит ночную молитву. Он расстелил перед собой молитвенный платок, снял добротные десантные ботинки, негромко, напевно произнёс: - Аллоху Акбар.

Произнося эти слова, Ризвон всегда представлял себе распахивающиеся где-то там высоко в поднебесье обрамлённые звёздами огромные ворота, за которыми был мир, из которого с не иссякаемым терпением созерцались людские деяния на земле. Уже через несколько минут закончив молитву, боевики шли по каменистому горному склону, растворяя себя в ночи, не замечая ни пробирающего до костей высокогорного зимнего ветра, ни затянутого тучами ночного неба, на котором изредка появлялась луна.

До рассвета оставалось несколько часов. Неожиданно прозвучавший в ночной тишине, лай собаки, подсказал Ризвону, что они вблизи селения. Всё подтвердил высланный на разведку боевик: - В селении пять домов. Сейчас там женщины и дети, оставленные ушедшими на охоту мужчинами, на старика, который живёт в самом крайнем доме. Он согласился нас приютить.

Ризвон с группой тихо подошёл к небольшому глинобитному дому с плоской крышей, у дверей которого с горящим факелом в руках стоял ожидающих их седобородый старец, всматривающийся в темноту, но никак не показавший своего удивления неожиданно появившимся вооружённым людям.

- Спасибо отец, что не отказали нам. В вашем доме мы дождёмся рассвета. Подготовь тёплую воду, пусть мои люди умоются, а потом покорми нас. - Ризвон, произнёс это, чеканя каждое слово, пристально глядя в глаза старика, пытаясь понять, насколько можно доверять ему.

Старик, ничего не ответил, лишь молча покачал головой, и пригласил всех в дом, потом позвал восемнадцатилетнюю внучку, давно проснувшуюся и беспокожно смотрящую за всем происходящим из окна своей комнаты. Он успокоил девушку, и отправил её спать. Оставшись один во дворе, старик стал разжигать огонь в самоваре, не сожалея, что согласился оставить у себя вооружённых гостей. Да и куда они могли пойти в этот ночной час – рассуждал он - постучись в любой другой дом маленького селения, они всё равно были бы направлены к нему.

Прошло полчаса, в течение, которого гости, не произнося не единого слова, по очереди умылись. Чуть позже, старик вошёл в дом, и заглянул в приоткрытую дверь комнаты. При тусклом свете двух свечей, ночные гости шёпотом произносили слова молитвы, и старику казалось, что его небольшая комнатка, с отброшенными по стенам тенями стоящих на коленях людей, наполнена таинственным шелестом перелистываемых страниц книги. Он не стал присоединяться к молящимся, как того требовала традиция, лишь тихо поставил самовар на дастархан, и вышел во двор. Много десятков лет он молился в одиночестве под открытым небом. И сегодня не изменив этой традиции, он шептал слова, глядя в чёрное небо, где за медленно плывущими тучами, изредка появлялся серебристый диск холодного полумесяца.

-Будь милостив к тем, кто почитает Тебя – тихо шептал старик, покачивая не покрытой седой головой в такт произносимым словам – даруй терпение в этой жизни.

Чуть позже ночные гости сидели вокруг дастархона, наслаждаясь наваристой шурпой, поданной стариком, а он в полной тишине, украдкой рассматривал их лица. Старик не спрашивал гостей, кто они, и как среди ночи сумели найти селение, до которого даже днём ни кто без проводника не доходил.

Но неожиданно для старика, Ризвон не доев шурпы, прервал молчание, и резким командным голосом попросил рассказать про горное селение, и его жителей. Старик вздрогнул от неожиданной просьбы, прозвучавшей резко, словно приказ. Но, сдержавшись, и поборов в себе недовольство от поведения гостя начал, говорить, медленно подбирая слова:

-Это старинное селение, единственное в этом ущелье. Узкая, тропа, по которой можно пройти только днём связывает селение с долиной, где расположен районный центр. Люди, живущие здесь, никогда не голодали, благодаря охоте в горах. Фрукты и овощи выращенные в небольших горных садах и на огородах, украшали столы селян круглый год. По старинной традиции раз в три месяца, женщины, отправляются, на несколько дней в районный центр, повидать своих родственников, узнать о местных новостях, сдать перекупщикам шкуры лис, а иногда и медведей. На вырученные деньги приобретается всё необходимое для простого домашнего быта. Сейчас в селении пять семей, живущих своими заботами и интересами непростой уединённой жизни, нарушаемой радостью от криков новорождённых младенцев, или печалью от предсмертных вздохов уходящих из этого мира людей. Люди простые и трудолюбивые, не представляют себя вне этих вечно заснеженных горных склонов, тянущихся вершинами к небесному куполу.

Сельские парни традиционно берут невест только из этой долины. Молодые женщины, вначале скучают по родным, и два, три года с трудом свыкаются с оторванным от цивилизации жизненным укладом селения. Но уже через несколько лет никто из них не может вернуться в долину, оставив завораживающие своей величественной красотой горы. В последние десятилетия, детей из селения отправляли в районные или городские школы-интернаты, закончив которые они поступали в институты или техникумы. Большинство из них оставались в городах, не желая расставаться с цивилизацией, лишь изредка навещаясь в родное село. Были и такие, кто навсегда пропадал из поля зрения родственников, и односельчан, не подавая о себе ни каких вестей - старик тяжело вздохнул, и словно спеша избавиться от какого-то тяжелого воспоминания, скороговоркой добавил - электричества в селении нет, и жители не надеются иметь его, из-за трудного горного рельефа. Без электричества жизнь в селе замирает с последними лучами солнца и оживает только при первом его проблеске - так было всегда.

Обо всём, что происходит в Азии, здесь узнают из радиоприёмников, радуясь, что отголоски бурных и кровавых событий обходят стороной их селение.

Ризвон внимательно рассматривал испещрённое морщинами лицо старика, думая о том, что в человеческой судьбе всё подвластно Высшему предопределению. Рассеяв людей по всей Земле, смешав языки общения, обычаи, нравы, характеры, Аллах видит всех и знает всё. Но всё это только во имя человека - испытывая его трудностями, ему же и воздаёт по итогам в день Своего суда. Что Он воздаст этому старику, за его спокойную жизнь в горах, не отягощённую кровавыми спорами людей?

Ризвон оглядел комнату, единственными украшениями которой были дастархон, старый ручной выделки ковёр, полностью укрывающий пол небольшой, хорошо отбеленной

комнаты, и выстроенных в горку курпача – всё как во всех таджикских сельских домах, да и не только сельских.

Всё до боли напоминало обстановку в его доме, где прошли его детство и юность, оборвавшиеся в 1992 году словами “Джихад во имя Аллаха”. Резвон с усилием, не позволив себе погрузиться во все эти воспоминания, которые в последние месяцы, ничего кроме щемящей тоски у него не вызывали. Заглушив тяжёлый вздох, он посмотрел на свои часы: до рассвета осталось слишком мало времени. Конечно, хорошо было отдохнуть день, или два в этом уютном селении. Он перевёл взгляд на своих боевиков, готовых выполнить любую его команду, подчиняясь власти командира, и его это радовало.

Они подвластны ему, и он в ответе за них, взяв на себя право, решать, как им жить на этой земле. Понимание того, что чья-то человеческая жизнь находится в его руках, овевало сердце Ризвона приятным холодком. Властвуя над людьми, он давал им шанс на жизнь, очерчивая её рамками служения идеи ради которой сам готов был погибнуть. И ещё - люди должны быть под властью одного человека, иначе они превращаются в не управляемое стадо. Но как трудно тому, кто ведёт это стадо. И хотя в этом было некое противоречие словам Корана, о том, что только Аллах ведёт людей и отмеряет часы их жизни, Ризвон не мог отказать себе в этих мыслях, которые никогда не произносил вслух.

Неожиданно он подумал, что жителям селения, придется не легко пережить зиму, отдавая боевикам запасы своих продуктов. Но, что делать - жалея их, он обрекал своих боевиков на голод. Утешить недовольных селян он может только молитвой или ... пулей - это война. Конечно, первое, что он предложит, будут деньги, но и это только в случае если они дадут клятву хранить тайну его пребывания в их селе. Хотя, чего стоит клятва человека не окрашенная кровью неверного? Ничего!

- Дедушка, - Ризвон перевёл взгляд на старика - в этом селении вы самый старший по возрасту и самый уважаемый человек. Мы моджахеды, объявившие священную войну тем, кто не хочет жить по Шариату. Меня зовут Ризвон, слышали вы или нет мое имя, я не знаю, да это и не важно сейчас. Нас преследуют солдаты. Надеюсь, никто из жителей селения, узнав о том, что мы пришли к вам ночью, утром не спустится в долину, и не расскажет о нас властям. Если это произойдет, я расправлюсь со всей семьей предателя, никого не пожалею. Но первым, кто ответит за это предательство, будете вы, а у вас внучка.

Ризвон не сводил взгляда со старика, понимая, что говорит жестоко и не так как подобает гостью в чужом доме, но иначе говорить он не мог, давно никому не веря:

-Утром мы уйдем, и селяне должны дать нам продукты. Знаю, что это не просто, но время сейчас такое. Сейчас с моим человеком вы обойдите все дома, и всех об этом предупредите. Если людям нужны деньги, я их дам. И ещё вы должны нас вывести в соседнее ущелье, но вывести так, чтобы нас никто не смог не просто догнать, найти.

Ризвон замолчал, пристально смотрел в глаза старика, мысленно гадая, понял ли он смысл сказанного. А старик, глядя на Ризвона со старческим прищуром, ответил так, будто в словах гостя не было и тени угрозы:

- Так уж сложилось в моей жизни, что я очень редко уходил дальше этих заснеженных гор и долины, из которой вы пришли. В горах я живу и знаю их, так же хорошо как каждый прожитый мною день со всеми его невзгодами и радостями. Я, понял всё то, что ты сказал мне. В этом селе, люди всегда жили с верой в Аллаха. Мы не отреклись от веры даже тогда, когда на заре установления советской власти к нам пришли в село агитаторы,

сопровожаемые вооружёнными красноармейцами. Тогда нас убеждали в том, что Аллаха нет, как нет никого, кроме Ленина, который дал простым людям свободу, равенство и счастье. Это говорили нам, всегда живущим на свободе в горах. В этом селении не было ни богатых, ни бедных, ни хозяев, ни слуг. Но всех мужчин селения вступивших в споры и несогласных с агитаторами, солдаты увели в районный центр, и они навсегда исчезли из нашей жизни. Оставшиеся понимали, что спорить с властью о религии и свободе нельзя, хотя бы ради сохранения рода. И мы продолжали жить, по законам, которые установили нам коммунисты. Плохие эти законы или хорошие, не о том речь. Единственно плохо в тех законах было то, что они вроде и не запрещали веру, но и не поощряли тех кто, был верующим. Не знаю как в больших городах, но, скорее всего, и там верующие, затаились. Многие десятилетия, мы читали молитвы, прячась в самых отдалённых комнатах своих домов, ни на один миг не забывая то, что установлено для мусульман Кораном. И чем чаще приходили агитаторы, и милиция, сменившая красноармейцев, тем бережнее мы хранили свою веру. Эта вера и воспитание в ней, из поколения в поколение передавалась теми, кто жил в этом селе, как самое святое, что может быть у человека. Аллах, единственная Истина, создавшая мир, в котором окружающие нас горы, частица огромного мироздания усыпанного звёздами, - помолчав немного, старик продолжал - я не спрашиваю, как вам удалось добраться ночью до нашего селения, но я уверен, сам Аллах помог вам дойти до моего дома. Мы поможем вам: дадим лепёшки и сушеное мясо – Аллах не даст нам умереть с голода. Но я не думаю, что утром, вслед за вами кто - то преядёт, ведь из селян в долине никого нет, а без проводника сюда не дойти, хотя ... как вам это удалось ... Аллах вас привёл сюда. Он помог вам. Отдыхайте спокойно до утра.

Часть вторая

До рассвета оставалось три часа. В комнате было тепло от небольшой хорошо натопленной печки. Ризвон, положив рядом с собой автомат, спал на курпаче, не раздеваясь, как и все его люди. Караул из двух человек, выставленный во дворе, должен был меняться каждый час – за этим следил двадцатилетний Файзи. Чтобы не уснуть он покалывал свою руку острым концом булавки, с которой никогда не расставался, тайно от всех считая её своим талисманом охраняющим его от ранения и ... смерти.

Ночной мрак, и тишина гор вызывали желание совершить молитву. Ему казалось, что слова очистят его душу от многих, и многих уже совершённых грехов, и он выйдет на одну из дорог, ведущих к будущей жизни в раю, где всё не так как, в этом наполненном пороками и страстями мире.

В тишине комнаты, он едва слышным шёпотом произносил арабские слова, и лишь на мгновение, у него в очередной раз за последние месяцы возник вопрос, которого он боялся: так ли всё то, что обещал словами Корана, Ризвон? Файзи никогда не делился с Ризвоном этим вопросом, зная, что вместо ответа услышит суровое порицание. По словам командира, Коран надо воспринимать сразу и без рассуждений, не допуская в своё сознание больше того, что изложено в святой книге. Любой вопрос, порождает новые вопросы, оскорбляя то огромное, что находится за рамками сознания человека. Не просто так, Пророк произнёс слова, щитом защищающие правоверных от неугодных вопросов сеющих в их душах людей сомнение: «Всякое нововведение есть противообычное, а всякое противообычное есть заблуждение, а всякое заблуждение ведёт в огонь адский»

Сын горного инженера строителя, Файзи до 14 лет вместе со всей семьёй переезжал с места на место, по разным областям Республики. Потом отец получил должность начальника районного строительного управления, расположенного всего в нескольких десятках километров от приграничной с Афганистаном реки Пяндж, откуда он сам был родом.

Дедушка, бабушка, дяди, двоюродные братья и сёстры, новая школа и друзья с которыми не хотелось расставаться даже после уроков, мама, которая радовалась тому, что семья обрела постоянное место жительства. Всё обретенное счастье растворилось в одну из февральских ночей 1992 года, в грохоте пулемётной и автоматной стрельбы, и криках насмерть перепуганных людей. Слезы женщин и детей, растерянные глаза мужчин, бессильных, что-то предпринять, всё говорило о том, что начавшееся на Душанбинских площадях противостояние, всколыхнувшее многие районы Таджикистана, превратившись в безжалостный террор, волной докатилась и до Колхозабада.

Налёт был совершён, боевиками, пришедшими не с Афганской стороны, а с территории своей же Республики и это было самым страшным. Бандиты убивали таджиков, узбеков, корейцев, русских, без разбора - опьянение безнаказанностью бандитов, и беззащитностью простых людей, порождало новое насилие. Людей убивали, вычеркнув из памяти многие десятилетия жизни, не разделённой по национальным признакам и вероисповеданию. Только на второй день в поселок, усеянный трупами мирных людей, приехало областное и районное руководство, которое как могло, успокоило оставшихся в живых, пообещав им прислать солдат и милицию для обеспечения охраны правопорядка, и начала проведения следствия. Но ни на следующий, ни в последующие дни, никто не приехал. Более того, приехавший из областного центра односельчанин, рассказал о том, как многие из областного руководства, побросав в грузовые машины узлы с вещами и ковры, с домочадцами, обезумев от страха, уехали в сторону столицы. Уехали, бросив на произвол судьбы тех, кого должны были защитить по долгу своей работы - слуги народа, бежали от народа, впервые за десятилетия советской власти предоставив ему право самим распорядиться своей судьбой.

Прошла неделя, наполненная страшными слухами о бесчинствах творимых боевыми группировками уже в других селениях района. Говорили и о том, что люди сотнями беспрепятственно переходят границу, спасаясь на Афганской территории от бесчинства мародёрствующих боевиков, которых казалось ничто и никто не может остановить. И как в подтверждение этих слухов в один из дней, произошёл новый налёт бандитов.

Около сорока боевиков, приехав на двух грузовых автомашинах, уже не скрывая своих лиц, выгоняли перепуганных людей из домов, забирали всё самое ценное. Бандиты уехали так же внезапно, как и появились. Оставшиеся в живых люди, похоронив погибших и собрав самое необходимое в узлы, уложенные на всё, что имело колёса, или, взвалив тяжёлые тюки с пожитками на плечи, не уговаривая тех, кто решил остаться, пошли в сторону приграничной реки Пяндж. В противоположную сторону уходили, русские, узбеки, корейцы, решившие для себя, что если мусульмане не могут договориться между собой, чего хорошего им ждать на этой земле, которая как выяснилось, была им Родиной, только по книгам и учебникам Советской истории.

Родители Файзи поддались общей панике, и только дедушка, и бабушка, как и большинство пожилых людей села, отказались уйти из родного дома, решив остаться на земле предков.

Людской поток, сея панику, и обрастая новыми беженцами, стихийно двигался к границе, к тому месту, где река омывала два берега - Таджикский и Афганский. И эта, ни кем неуправляемая огромная толпа, достигнув реки, используя все мыслимые и немыслимые средства переправы, с риском для жизни устремлялась по воде к Афганскому берегу. Их не останавливали ни таджикские, ни афганские пограничники, молча наблюдающих за всем происходящим со своих вышек. Родина молча отпускала своих граждан, с молчаливого согласия той земли, которая должна была их приютить.

В те дни многие из беженцев утонули, в холодных водах реки так и не познав будущих страданий, и лишений доставшихся живым. И никто не мог бы сказать, кому повезло больше – мёртвым, уже познавшим неведомое, или живым, которым ещё предстояло испытать многие трудности и беды, завидуя мёртвым.

Здесь на чужой земле, всё было не так как в Таджикистане. Узбеки, таджики, туркмены, казахи, киргизы, пуштуны, объединённые одним словом афганцы, при всей схожести языка и обычаев, по своей социальной ментальности были совершенно непохожи на тех, кто прожил всю жизнь в советском Таджикистане. Афганистан, кажущийся многим правильным с точки зрения соблюдения традиций шариата, с каждым днём обнажал власть сурового средневековья. Казалось, у этого государства не было истории, освещённой именами великих философов мыслителей, чьи слова в поколениях передавались из уст в уста, формируя духовный мир людей.

Была и ещё одна пугающая особенность во всём том, что окружало беженцев. Если сознание афганцев формировалось законами Ислама, то их физическое существование зависело от обладания оружием, и не важно какое это было оружие - винтовка или нож, важным был сам факт обладания им. Страх перед оружием и уважительное отношение к нему были не делимы для афганцев с рождения. Но выше этого была только вера в Аллаха, не покидавшая их сознание в течение всей жизни. И если религия требовала терпения в этой жизни, и надежду на “не земную, в раю”, то оружие было гарантией осуществления этой надежды. Многие, из увиденного в селениях, и услышанное из коротких рассказов самих афганцев, о своей жизни поражало беженцев. Бедность, болезни, голод, и вообще любое человеческое горе здесь воспринимались, без ропота, с должным пониманием и обречённым терпением, а смерть человека не более чем закономерным избавлением от земных мук.

По мере движения колонны, к таджикским беженцам, примыкали афганские нищие и бродяги, которым было всё равно с кем идти и куда идти, только бы заполучить корку хлеба. У беженцев кончались запасы скудного продовольствия взятого ими во время поспешного бегства из родных домов. Кончалось и то, что ещё можно было обменять на еду и топливо для костров. За муку или рис отдавали всё, что имело ценность: золотые украшения, одежду, обувь домашнюю утварь - другого средства выжить на этой чужой земле ни у кого не было. Сами афганцы ничего предосудительного в этом не видели: после поданной милостыни, никто, никому ничем не обязан в этой жизни – в этих ситуациях догмы шариата не вспоминались.

Файзи помнил молодую женщину беженку, у которой на глазах её измученных голодом детей, афганец мужчина, камнем выбивал золотые зубы. Делал он это без озлобления, радуясь удачной сделке, и только потому, что ему нужна плата за отданную горстку муки и горстку риса уместившихся на двух ладонях несчастной женщины. Многие беженцы, останавливаясь в селениях, ходили по дворам в поисках заработка. Но это были пустые надежды, - работы не было: какой бедняк наймёт бедняка, а те, у кого в домах был достаток, имели своих работников.

Для большинства беженцев иссякала надежда и на милостыню. Всё реже двери афганских домов открывались на стук – идущим в начале колонны, в селениях ещё подавали, но молва обгоняла колонну на многие десятки километров, не оставляя людям в её середине и в конце, даже малейшего шанса даже на подавание. Голод всегда властен над человеком. Мужчины ради спасения от голодной смерти своих детей, под истошные вопли жён оставляли в афганских домах своих обречённо молчащих несовершеннолетних дочерей, в обмен на несколько килограммов муки, или риса. Никто, никого не осуждал, и уж тем более не отговаривал, не зная, что лучше, а что хуже перед лицом дикой пляски

голода, за спиной которого стояла в ожидание своего часа, смерть.

“Лучше сохранить всех порознь, чем всем вместе погибать от голодной смерти” – с тех дней эта фраза стала горькой поговоркой врезавшейся в память Файзи на многие годы.

Через двадцать дней, пройдя полторы сотни километров и оставив за своей спиной земляные холмики могил, под которыми лежали те, кто не выдержал лишений и голода, колонна беженцев остановилась на территории брошенной Советской воинской части, распложенной всего в нескольких километрах от Файзабада.

Одним из напоминаний десятилетнего присутствия советских солдат на этой земле был полуразрушенный бетонный забор, с полу стертой надписью “Афганца нельзя победить”. Вторым напоминанием бесславной попытки покорения Афганистана был наполовину засыпанный колодец с питьевой воды. Именно около него молча валились на землю, рядом со своими узлами и свёрнутыми матрасами измученные физически и морально женщины и дети. И казалось, что уже никакая сила в этом мире не сумеет поднять их на ноги, и заставить идти дальше по иссушённой зноем афганской степи, обдуваемой вольными ветрами.

Отошедшие в сторону от колодца мужчины, посоветовавшись, разбились на две группы: одни стали вычищать колодец от камней и сора, другие отправились в Файзабад в поисках местной администрации, через которую надеялись обратиться к любой международной организации за продовольственной и медицинской помощью.

Хозяин невысокого глинобитного домика, стоящего на самой окраине Файзабада, выслушав стоящих перед ним незнакомцев, в которых сразу признал беженцев, в начале не очень понял значение слова «администрация», но потом, разобравшись, что требуется хоть кто-то способный им помочь, повёл их к самому богатому по местным меркам человеку. Пройдя по извилистым узким, и грязным улочкам, мужчины, ведомые афганцем, подошли к добротному каменному дому, окружённому высокой глинобитной стеной. После недолгого препирательства стоящий у ворот вооружённый автоматом бородач впустил всех во внутренний двор. После нескольких минут томительного ожидания из дома вышел мужчина лет сорока с длиной до пояса бородой, покрывающей его не улыбочивое и поддёрнутое оспой лицо. Беженцы, вкратце рассказали о том, как они покинули родные дома, и попали в Афганистан, напомнив и о том, что все они одной крови и веры. Их недолгая речь завершилась просьбой помочь связаться им с любой международной организацией.

Хозяин дома, молча слушающий стоящих перед ним незнакомцев, обдумывал, как лучше поступить с ними:

“Вам надо двигаться в сторону города Баглана, а там и до Кабула недалеко. Но дорога трудная, а для пеших, не вооружённых людей, да ещё и с детьми и женщинами она опасна вдвойне. Если в наших краях более или менее спокойно, то на территории, по которой вам предстоит идти, хозяйничают вооружённые банды, от которых надо откупаться деньгами. Если денег нет, плата идёт женщинами или девушками - невесты здесь стоят дорого и не все мужчины, могут себе позволить свадьбу. Но если все же вам удастся дойти до Кабула, то кроме справки, в которой будет только ваша фамилия, подтверждённая личной печатью государственного чиновника, вы ничего не получите”.

Помолчав немного, и пристально оглядывая беженцев, он продолжал:
“Вам лучше остаться на территории брошенной воинской части. Начните обустривать своё поселение, земля там ни кому не принадлежит. Весной я скажу, что надо сеять, и с семенами помогу - об этом мы договоримся. Собранный вами урожай куплю я сам. Если

вам повезёт, земля даст хороший урожай, не повезёт ... Что будет дальше с вами, знает только Аллах. Он велик и никого не оставляет без своего внимания и милости. Советую остаться, здесь вас никто не тронет - мои моджахеды контролируют этот городок и его окрестности. А с Представителями Красного Креста я свяжусь сам, и, наверное, уже завтра они приедут в ваш лагерь”.

Беженцы возвращались к своим семьям, впервые за всё время пребывания в Афганистане, имея надежду на будущее. И действительно в полдень следующего дня на территорию их лагеря въехало два крытых грузовых автофургона с большими красными крестами по бокам. Более или менее успокоившихся людей переписали по семьям, после чего началась раздача брезентовых палаток, армейских одеял, муки, риса, сухого молока, чая, лекарств первой необходимости. Если продуктов могло хватить всем на несколько дней, то с палатками было сложнее. Но беженцы решили и эту проблему - в одну палатку селились по две, а иногда по три семьи, радуясь самому факту обретения крыши над головой. Установленные в ряд палатки вселяли в людей надежду на то, что они ещё кому-то нужны на этой чужой им земле. Прошло несколько дней, и мужчины создали комитет беженцев, состоящий из шести человек, в обязанность которых входило справедливое распределение по семьям продуктов и медикаментов поступающих от международных организаций.

В становлении новой жизни прошло три месяца, в которых для Файзи, как и для многих его сверстников, окончательно растворилось прошлое, уступив место ежедневным изнуряющим походам в дикую пустынную степь за сухим кустарником, который был всегда нужен как топливо для очагов. Но самым трудными в этой новой жизни были воспоминания о родине, казавшейся здесь такой далёкой.

Несколько раз в лагерь на джипах, покрытых тяжёлой афганской пылью, приезжали незнакомые люди, представляясь сотрудниками Исламских центров расположенных в Пакистане. Вслед за ними приезжали две, три грузовые автомашины с продуктами. После распределения продуктов, и чтения общей молитвы начиналась агитация беженцев, которым предлагалось отпустить своих детей для бесплатного проживания и обучения в медресе расположенных в Пакистане. Ни один их приезд не обходился без проклятий в адрес неверных, которые довели людей до страданий на чужбине. Играя на людском горе, предсказывая им будущие лишения, агитаторы не забывали задавать один, и тот же вопрос: когда ещё людям, оторванным от родины, представится возможность дать своим детям образование?

Многие родители начали записывать в отдельные группы своих малолетних дочерей и сыновей, не столько ради получения исламского образования, сколько ради их спасения от жалкого существования в степном лагере.

Но большинство родителей не шло на уговоры. Среди них был и отец Файзи. И Файзи в тайне был рад этому. С недавнего времени его преследовали мысли о вступлении в отряд моджахедов Ризвона Содирова, о котором часто говорили взрослые мужчины, собираясь вечерами у не большого костра, на окраине палаточного лагеря. Эти разговоры начались после того, как несколько недель назад в лагерь, попала листовка, привезённая одним торговцем афганцем. Взрослые мужчины, потерявшие голову, от свалившихся на них, и их семьи бед, и горя, никак не отозвались на призыв листовки. Совсем другое настроение было у подростков. Романтика войны, взамен нищенского существования в лагере, захватила воображение многих из них, в том числе и Файзи, в один из дней убежавшего с двумя товарищами из лагеря, оставив родителям записки одного и того же содержания: – “Простите, мы пошли в Кабул к Ризвону”.

По-разному сложились их судьбы на дороге ведущей в Кабул. Лишь одному Файзи, похоронившему двух своих товарищей, погибших от пуль афганских бандитов, напавших на спящих подростков среди ночи, измождённому от голода и трудностей пешего перехода удалось из последних сил постучать в дверь огромного дома, в котором находился Кабульский штаб боевого формирования, которым командовал Ризвон Содиров.

Такой же пятнадцатилетний мальчишка таджик, с висящим через плечо автоматом, одетый в армейскую полевую форму, настороженно рассматривал Файзи через порог двери. Убедившись, что пришедший действительно беженец из Таджикистана, повеселевший часовой, долго с кем-то говорил по внутреннему телефону, и, получив разрешение, впустил Файзи в дом, где уже взрослый мужчина провёл его по пустому коридору с множеством дверей, одну из которых он распахнул перед парнем.

В комнате никого не было.

- Видно не сладко тебе жилось в Афганистане – произнёс сопровождающий, сочувственно осматривая лохмотья Файзи - Для начала я тебя накормлю, а потом с тобой будет говорить Ризвон ако. Он и решит, что с тобой делать.

В полном одиночестве, не веря в реальность происходящего, Файзи торопливо ел сочные манты, заправленные кусочками жира. Неожиданно дверь распахнулась. В комнату вошёл среднего роста не высокий, спортивного телосложения мужчина лет тридцати пяти, одетый в подогнанный по фигуре армейского покроя китель, тёмно болотного цвета, без знаков воинского звания. Мужчина пристально рассматривал невысокого коренастого пятнадцатилетнего мальчишку, внимательно слушая его рассказ обо всём, что произошло с ним, и его семьёй в родном селении. Ночь налёта боевиков, переправа через реку Пяндж, первые часы в Афганистане, бесконечно длинная пыльная степная дорога, лагерь беженцев, муллы зазывающие детей учиться в мусульманских медресе, и гибель товарищей по дороге в Кабул - всё это для Ризвона не было новым. Почти все пришедшие к нему в отряд, рисовали одну и ту же картину с одним и тем же сюжетом. Словно бесконечный, горький рассказ о Родине не способной удержать тех, кто питал её корни оказавшейся во власти противоречивых мнений и суждений. Думая об этом Ризвон, неожиданно спросил:

- Считаешь ли ты себя мусульманином?

- Дома молитву читали только бабушка и дедушка, и ещё мама. Сейчас, отец уже не называет себя атеистом, хотя раньше говорил, что его дети должны атеистами. - Файзи замолчал, не решаясь сказать, что сам никогда не знал слов молитвы, да и большого значения не придавал этому занятию.

- Я не осуждаю ни твоего отца, ни тебя. Я и сам в детстве не молился. Но уже многие годы я иду дорогой Джихада. Запомни: для человека важно жить с верой в Аллаха. И чем раньше человек это поймёт, тем лучше для него. Надо помнить: не Аллах нуждается в нас, мы нуждаемся в нём, в ожидании другой жизни даруемой нам как милость. Я думаю, твой отец, как и многие другие, сегодня уже понимают это. В горе у человека не остаётся ничего кроме самого горя, и того, кто может помочь преодолеть его. – Ризвон молча провёл ладонями рук по своему лицу и произнёс: – “Аллаху Акбар” – после чего, глядя всё так же прямо в глаза Файзи, продолжал – Коммунисты долго властвовали над нашим сознанием, но наступило то время, когда наша вера должна восстановить утерянное за годы советской власти почтение к Аллаху. Мы создадим Халифат, который подчинит себе всю Азию. В этом государстве не будет деления людей на таджиков, узбеков, казахов, киргизов, туркмен и каракалпаков. Все будут объединены одним словом «правоверные». Как ты думаешь, что будет с теми, кто не захочет жить в этом халифате?

- Их перевоспитают.

- Ты правильно понял мой вопрос, но дал не совсем правильный ответ. - Ризвон

похлопал Файзи по плечу – Здесь тебя научат не только правильно отвечать, но и быть верным этому ответу, за которым стоит... приговор неверным.

Но для Файзи самым трудным, из всего услышанного за час беседы, был последний вопрос заданный Ризвоном: - Готов ли ты посвятить себя Джихаду, забыв всех, кого ты любишь – родителей, братьев, сестёр, близких родных, и друзей?

И Файзи, впервые за свою короткую жизнь, умищающуюся в пятнадцать прожитых им лет, почувствовал, огромную ответственность, нависающую над ним. В его ответе должна была прозвучать клятва верности. Клятва, в которой чужая человеческая кровь, не проливаемая им до сегодняшнего дня, становилась подтверждением отречения от прошлого, в котором оставались не просто родители, родные и близкие, но и просто люди. Немного помолчав, он, скорее из вдруг возникшего страха перед Ризвоном ответил: - Я готов идти по пути Джихада, и я готов быть во всём похожим на... вас, считая вас своим... учителем.

Ответ понравился Ризвону и он подумал, о том, что сознание таких вот юнцов, словно гончарная глина, из которой можно лепить нужные формы. Лепить и наполнять духом Джихада. Он подумал и о том, что хорошо бы приблизить этого подростка к себе, сделав его своими глазами и ушами в отряде. Ризвон давно не брезговал ни чьими доносами, сделав однажды вывод - веря людям, не забывай, что они живут во власти страстей и пороков, среди которых предательство стоит не на последнем месте. И с этим пороком, человек не может справиться, сколько бы он не молился и не называл себя правоверным.

После этой беседы, жизнь Файзи наполнилась новыми заботами. Собственно забот не было, было только постижение науки убивать и выживать. И лишь постигнув их, он мог стать моджахедом подчиненным не столько законам Джихада, сколько жесточайшей дисциплине установленной для всех, без исключения боевикам, Ризвоном. В доме была столовая, спальные помещения, классы для изучения стрелкового оружия, небольшой спортивный зал, большая зала, служившая для чтения молитв, с многочисленными коврами, аккуратно расстеленными на полу. Был и просторный подвал, где размещался склад. Но нередко именно здесь проводили исполнение наказаний над провинившимися моджахедами, нередко заканчивавшиеся казнью.

Весь день отряда был расписан: утреннее построение, завтрак, изучение разных видов стрелкового оружия, подрывное дело, тренировки рукопашного боя, обязательное изучение текста Корана, вечернее построение с отчётом командиров взводов перед Ризвоном. И как закон для всех пятиразовые молитвы, исполняемые по предписанным часам.

Огромный дом, за своими каменными стенами надёжно скрывал двести боевиков перечеркнувших прошлую жизнь, во имя миссии, объявленной им их командиром, наложившим запрет на вопросы о добре и милосердие, и уж тем более рассуждениях о Высшем согласии на право убивать. Именно это должен был осознать Файзи, с того момента как окунулся в повседневную жизнь отряда. И он осознал это, как и то, что рассуждения о собственном прошлом, настоящем и будущем здесь не приветствуются. Суровая замкнутость боевиков считалась признаком почтения к своему настоящему положению. Да и о чём можно было рассуждать? Всё было понятно: прошлое безвозвратно; настоящее во власти случайности; будущее во власти... Каждый, здесь рано или поздно приходил к этому выводу, но никогда ни с кем этими мыслями не делился вслух - всё таилось в самых отдалённых уголках сознания. И самое страшное, не существовало обратной дороги - она была размыта кровью людей. Понимание невозможности изменить свою настоящую жизнь, которую и жизнью назвать никто

наедине с самим собой не решался, вызывало бешеную озлобленность, гасимую кровью, тех в кого они стреляли.

Один раз в месяц, поочерёдно пятнадцать боевиков, грузили в старенький армейский грузовой «Форд» ящики с патронами, гранатомёты, коробки с консервами и уезжали за пределы Кабула. Уже потом по прошествии несколько недель пребывания в отряде Файзи узнал, что те с кем он разделил свою судьбу, уезжают на Афганско Таджикискую границу, для совершения боевых вылазок в глубь территории, которую каждый считал своей Родиной. Некоторые после этих рейдов не возвращались и о них на общей молитве словами почтения к погибшим, говорил Ризвон:

-В этом мире только душа человека, представляет собой ценность. И чем чище душа, тем больше о ней заботится Аллах. Тело человека, лишь оболочка, сохраняющая душу.

Для всех боевиков, эти слова командира, могли означать только одно: любой из них, может быть предан земле, только в случае если его тело сумеют вынести с поля боя.

Файзи из коротких реплик своих сверстников, которых было немало в отряде, узнал, что пополнение группы происходит за счёт таких же, как он беженцев из Таджикистана. Но костяк отряда составляли немногие из тех, кто в 1992 году назвал своим командиром Ризвона. Никто из первых его соратников, то ли от страха перед вспыльчивым характером командира, то ли из уважения к уровню приобретённого им познания шариатских догм, никогда не задавался вопросом: был ли он в том недалёком прошлом набожным человеком?

В отряде были, и те, кто примкнул к Ризвону в один из дней, когда его малочисленная группа, без единого выстрела обезоружив охрану, распахнула ворота лагерной зоны. В тот день, освободив заключённых, Ризвон предложил всем вступить в свой отряд. Но, заключённые разделились: те, кого ждали многие годы заключения, взяли за оружие, другие вернулись в лагерные бараки, чтобы не усугублять своей и без того покорёженной судьбы. Убийцы, и насильники, сломленные годами заключения, обзлненные на людей и на весь мир, пошли за Ризвоном. Он стал для них, больше чем человек, давший не только желанную свободу. Он дал им оружие для защиты этой свободы, которой они бредили во сне, и наяву, живя многие годы за толстыми каменными стенами барачков. Они много молились, но насколько их сознание подчинилось вере в Аллаха? Этого Ризвон не знал, а порой просто сомневался в искренности произносимых ими слов молитв, зная по личному опыту: молитва щит от собственных грехов, творимых и до молитвы, и ... после неё.

Часть третья

Случай с освобождением заключённых, стал судьбоносным для Ризвона. За действиями его группы давно наблюдали во многих Центрах координирующих идею создания Халифата, в бывших советских Азиатских республиках. Именно они послали к нему своих гонимых с предложением, временно прекратить боевые операции в Таджикистане, и уйти на территорию Афганистана. Для Ризвона это было первое серьёзное предложение, сделанное за всё время существования его группы. Но была ещё одна причина, с которой он не мог не считаться. Его отряд постоянно пополнялся вновь прибывающими людьми, в основном сельскими жителями, готовыми от безысходности своего положения, взяться за оружие, либо теми, кто хотел слепо мстить за родных и близких погибших в кровавой неразберихе. Боевиков нужно было кормить, одевать, вооружать и обучать владеть оружием, и самое главное учить убивать, а для этого нужна была постоянная база, но не на территории Таджикистана, с вечной угрозой преследования со стороны силовых структур республики.

В те дни Ризвон впервые осознал степень собственного авторитета, и это приятно льстило его самолюбию. Первыми, кто его встретил за приграничной полосой на Афганской земле, были моджахеды Ахмад Шах Масуда. Не выдавая своих чувств, он наслаждался ситуацией – он почитаем не только известными на своей Родине оппозиционерами, но и широко известным, Ахмад Шах Масудом. Группа Ризвона, в качестве его гостей, разместились в одном из горных лагерей. Ризвон долго и доверительно говорил с легендарным паншерцом. Говорил, так как не говорил ни с кем, за всю свою жизнь. Они сблизились как люди. Талантливый афганский полководец, начавший военную карьеру в далёком 1989 году с боевых действий против Советского военного контингента, не первый месяц наблюдал за действиями Ризвона в Таджикистане и конечно хотел видеть его в своём окружении.

-Сам знаешь, добрая молва, как и худая, границ не ведаёт. Мне много о тебе, рассказывали. – Ахмад Шах Масуд, хитро прищурившись, смотрел на Ризвона – Останься в моей армии, и ты будешь, почитаем в Афганистане как воин, заслуживающий уважения. Моджахеды у тебя есть, оружие, и деньги я дам. То, чего тебе не будет хватать, получишь у меня, уже как боевое подразделение моей армии. Поверь, тебе будет легче со мною, чем с религиозными теоретиками, которые приглашают тебя в Кабул. У тебя не простой характер, ты не крестьянин, и не пастух, которым можно понукать. Ты воин, и твоим соратником может стать только тот, кто сам называется воином. Одно дело рассуждать о религии и призывать к верности Аллаху, совсем другое ценой собственной крови подтвердить преданность исламу. И ещё: много из того, что сейчас происходит в Афганистане, ты видишь глазами стороннего наблюдателя. Пройдёт много времени, пока ты разберёшься в происходящих здесь событиях, которые можно назвать одним словом – хаос. Иногда мне кажется, что Аллах, устав от людских споров, решил всех в последний раз испытать на способность здраво рассуждать о выборе правильного пути, и замесил людские страсти и пороки именно на этой земле. Лишь определивший единственно верную формулу человеческих взаимоотношений будет достоин, называться хозяином нашей древней земли. Но ещё одним испытанием, посланным Аллахом афганцам, стало движение – Талибан. Эти дикие варвары, даже не ортодоксы, опираясь на невежество людей, они гонят всех во мрак, отнимая последние искры света, из без того тёмного сознания. И только через десятилетия за счёт собственных бесчисленных человеческих жертв афганцы смогут выйти из этого мрака. Но произойдёт это не с помощью собственной национальной культуры, традиции и негибавшего природного мужества, а благодаря вмешательству западной идеологии, которая кинется спасать не столько афганский народ от мракобесия, сколько себя, от расплзающегося по миру невежества и террора. Сегодня намного важнее общее сплочение против Талибан, пусть даже с теми, кого мы сегодня называем своими врагами. Эта страшная чума, может распространиться по всей Азии, и поверь мне, первым попавшим под её чёрное покрывало, будет народ Таджикистана.

Тогда, услышав эти слова, Ризвон промолчал, и ничего не ответил собеседнику. Да и, что мог он сказать, не зная много из того, что происходило за тайной завесой политических интриг вихрем кружащих вокруг Ислама. Потом был Кабул, встреча с лидерами Оппозиции. Многодневные дискуссии, и споры о методах борьбы за установление исламской власти на Родине. Обсуждение планов интенсивной идеологической работы на территории Таджикистана, и организация диверсий, боевых операций и террористических акций – именно это возлагалось на Ризвона и его боевую группу, в которой многие в те дни хотели видеть костяк будущей армии. В его задачу входило и объединение разрозненных боевых группировок на территории Таджикистана с расширением зоны проведения боевых операций. Все вопросы финансирования покупки оружия, амуниции и содержания брала на себя Оппозиция, располагающая прямой

поддержкой крупных Исламских Центров. Штаб Ризвона должен был быть в Кабуле. По прошествию нескольких дней после первого совещания, он на деньги Оппозиции купил огромный дом на окраине города, в последствие реконструированный по его же личному проекту.

А потом началась подготовка боевиков, и отправка их небольшими группами в глубь таджикской территории или в Душанбе. Боевики возвращались с заданий зачарованные своими кровавыми успехами, и безнаказанностью, оставляя за спиной проклятия тех, для кого они, по словам Ризвона, создавали Азиатский халифат. Со временем в Исламских центрах субсидирующих Оппозицию, о Ризвоне заговорили как о возможном, новом военном лидере Оппозиции, на практике оправдывающем, их финансовые затраты. Эта информация послужила первым толчком к началу разногласий между ним, и лидерами Оппозиции, не пожелавших уступать первенства в борьбе за использование выделяемых денег, и последующую власть над собственным народом. Второй причиной разногласий стал намечающийся в 1996 году процесс переговоров Оппозиции с законным правительством, по мирному урегулированию политических разногласий. Ризвон понимал: переговоры, даже при условии их длительности закончатся компромиссом в пользу мирного решения политических проблем, и первым шагом в реализации этих вопросов станет ликвидация его как исполнителя самой грязной, и кровавой работы. Взвесив все “за”, и “против” Ризвон решил отправить большую часть своих боевиков, в распоряжение Ахмад Шах Масуда, и постепенно начать организацию собственных базовых лагерей в горах Таджикистана, в районах близких к границе с Афганистаном. Но многим из этих планов помешал осуществить Бахром.

Много лет назад похоронив свою единственную жену, старик жил один. Только летом этого года, он впервые за свою долгую жизнь, со многими трудностями, выбрался в столицу, чтобы проведать живущего там сына, невестку и любимую единственную внучку Наргизу. Несколько дней он молча наблюдал за их трудной и полуголодной жизнью, после чего стал уговаривать сына и невестку отпустить с ним в горы дочь. Ему не отказали – при всех существующих трудностях, в городе стали не редкими случаи, когда вооружённые бандиты, безо всяких объяснений среди дня, силой сажали в свои машины девушек или молодых женщин, увозя их неизвестно куда. Многие из похищенных, исчезали навсегда, но те которые возвращались через какое-то время, сломленные морально и психологически, никому не рассказывали о бесчинствах творимых над ними похитителями. Раньше такого не было: люди чтити вековые национальные традиции и обычаи. Но кто в хаосе людских страстей и споров, замешанных на смерти, мог говорить о приличиях, морали и совести: одни пребывали в страхе от бездумной и жестокой власти оружия, другие упивались чужим страхом, владея оружием и властью.

Этой ночью, так и не уснувшая внучка, слушала шёпот старика рассказывающего о ночных гостях. Ей было знакомо имя и фамилия Ризвона Содирова. Его имя часто упоминалось в республиканских газетах, рассказывающих о жестокости и бесчинствах творимых им и его боевиками не только на Афганско-Таджикской границе, но и во многих областях республики. Она всегда была в стороне от политики, но возненавидела бородатых бандитов, с их призывами к созданию Халифата, после одного стихийного митинга на улице её родного города. Мракобесы на глазах перепуганных людей стали срывать короткую юбку светло зелённых тонов с девушки вырванной ими из толпы прохожих, лишь для того, чтобы публично подтвердить собственную непримиримость к оскорблению цвета флага которым они безостановочно размахивали над толпой.

Сейчас старик не знал, как ему поступить: внучка хотела среди ночи спуститься в долину, и сообщить властям о появлении в селении бандитов. Она скороговоркой

рассказывала обо всех известных ей по газетам и телевидению кровавых бесчинствах бандитов, убеждая деда в том, что ночной гость и его люди самые настоящие преступники. Старик, слушая внучку, понимал, что просто так, она не станет наговаривать на гостей. Но мог ли он сделать то, что она просила? Ведь тем, кто сидел в соседней комнате его дома, он обещал помочь во имя Аллаха.

Старик умолял девушку потерпеть присутствие гостей в доме, обещая уже утром увести их подальше в горы. Они долго и горячо перешёптывались, и, наконец, старику удалось убедить девушку, не предпринимать ничего, что могло бы навлечь беду на селян. Он, успокоился только тогда когда заметил как она, вдруг притихнув, забылась тяжёлым сном. Старик остался сидеть у её изголовья, и покачивая седой головой, глухим шёпотом задавал самому себе один и тот же вопрос:

-Кто прав, и кто виноват? Моджахеды, проливающие собственную кровь, но выглядевшие преступниками в глазах своего же народа? Или простой народ, который в этой войне погибает в руках моджахедов?

Неожиданно его обожгла догадка - во всём виновата человеческая страсть обладать властью. Но не той, которая становится украшением добрых качеств человека, а той, изначально сжигающей совесть и толкающей на поступки несоизмеримые с понятиями нравственности. Старик прожил всю жизнь среди гор, но только сейчас понял эту простую истину. Он не ругал себя за позднюю догадку, ведь он прожил жизнь в горах, никогда не пытаясь обрести над ними власть, одновременно не позволяя им властвовать над собою. Это была честная борьба за жизнь, пусть даже не равная, ведь он был меньше и слабее каменных исполинов, подпирающих своими вершинами небо, усеянное звёздами, раскинутыми Аллахом.

В этих размышлениях старик увидел, как за окном тает чёрный мрак.
Часть четвёртая

Наргиза лежала с закрытыми глазами, думая о том, что должна спуститься в долину, чего бы ей это не стоило. Надо только дождаться когда дед выйдет из комнаты, убедившись, что она крепко спит.

Милый, дорогой мой дедушка – думала она – прости меня, не сумевшую тебе доброму и честному горцу, объяснить, что те, кого ты считаешь гостями своего дома, просто бандиты, не заслуживающие не то, что твоего гостеприимства, места на земле, которую они залили кровью невинных людей. Да, через час или два они уйдут из селения, ни кого не ограбив и не убив. Но это будет только в этом селенье. И уйдут они только для того чтобы где-то в других местах убивать всех не согласных с их дикими взглядами, которые, и верой то невозможно назвать.

Но, что будет, если её догонят? Что будет с дедом, с селянами, с нею? Нет, сейчас надо думать только о том, как выбраться из селенья. Она отгоняла охватывающий её страх, и сомнения - я не совершаю ошибки, надо сделать, так как я решила. Через час или два, дедушка поведёт бандитов в дальнее ущелье, куда не то, что дикие козы и медведи не заходят, орлы не залетают. Царство облаков и звёзд – так однажды называл эти места её дед. Уходя с ними, он обязательно зайдёт к ней проститься перед дорогой. Не найдя её в комнате, он всё поймёт, и не станет подымать шума, понимая, какие наступят последствия.

Надо отбросить сомнения и сосредоточится на том, как незамеченной выйти из селения.

Неожиданно её обожгла мысль: надо воспользоваться тропой, начинающейся прямо за садом дедовского дома! Как она сразу не подумала о ней. Много лет назад, когда она была маленькой девочкой, дед часто вводил её в конец сада, и рассказывал об этой страшной тропе. Много столетий назад, те первые, убегая от бесчинства и зла постигших их дома в

цветущей садами долине, выбирая место для своего поселения, шли именно этой тропой. О ней знали все взрослые жители селенья, но никто никогда даже не помышлял ходить по ней в долину. Тропа действительно была страшная - невидимая среди камней и валунов, она тонкой лентой убегала из-под ног идущего по ней человека, сливаясь с самым краем головокружительного обрыва. Ни конь, ни осел не смогли бы пройти этот участок, слишком узким он был для них. Но так уж создан человек, что в минуты отчаянья, находит выход, там, где бессилён даже самый сильный и умный зверь. По тропе можно было пройти с большими предосторожностями, не спешно ставя ступни в одну линию, пятками друг к другу, вплотную прижимаясь всем телом к отвесной и почти гладкой стене каменной скалы. Только так мог сохранить себе жизнь решившийся пройти по этой тропе, говорил, когда-то дед, и именно это надо было выполнить сегодня Наргизе.

Старик шёл из дома в дом: пусть женщины сейчас же начнут готовить лепёшки в дорогу ночным гостям. Чем раньше Ризвон и его люди уйдут, тем будет спокойней в селе. Он обходил дома селения невидимые в молочном, густом тумане. Обойдя селение, старик вернулся в свой дом, и, не заглянув в комнату внучки, сразу прошёл к гостям. Боевики сидели на полу, за спиной Ризвона, не громко читающего молитву. Старик сел на колени, за их спинами, и стал механически шептать слова молитвы, больше думая о том, как лучше попросить Ризвона, не дожидаясь полудня уйти из селения.

Но после молитвы его попросили подать чай, и он по старчески, засуетился с вскипевшим самоваром, выполняя просьбу гостей. За этими хлопотами прошло минут двадцать. Лишь усевшись в кругу моджахедов, и взяв поданную ему пиалу горячего зелёного чая, старик произнёс громко:

-Волей Аллаха, ночью вы дошли до нашего селения. Вы гости моего дома. Но поймите меня правильно - свою жизнь я прожил, а в селении, кроме меня, женщины и дети. Люди собрали вам съестное, а я отведу вас в безопасное место. Но ... выходить нам надо не в полдень, а сейчас утром. Старик замолчал, глядя прямо в глаза Ризвону.

Молчал Ризвон, молчали и его люди, понимая, что старик чего-то испугался, если сделал такое неожиданное предложение. Скорее всего, испугался властей, которые могут спросить о мерах, которые он должен был предпринять для их оповещения. Ризвон не очень удивился просьбе старика, больше того, он ждал её. Слишком часто его об этом просили другие. И это были те, от кого он ждал помощи в этой войне. Он обвёл тяжёлым взглядом своих людей, успокаивая собственную ярость, и только потом перевёл, налившись кровью глаза, на старика, лицо которого покрывала испарина.

-Разрядить бы в тебя обойму, но ты мне, нужен. Ты знаешь - нас надо увести подальше в горы. Только помни - я не всем так отвечаю. Считай, что тебе сейчас повезло. Мы уйдём, как ты просишь. - Ризвон резко кивнул на дверь, подчёркивая этим движением бесполезность обсуждения всего сказанного им.

Охотник Лазиз, придерживая висящий за плечом карабин, спускался по заснеженному горному склону к родному селению. Куски медвежьего мяса, уложенные в большом кожаном мешке, приятно согревали его широкую спину. Ещё один спуск по крутому склону и он почти дома. Увидев появившийся в утренних сумерках огромных размеров камень, напоминающий своими очертаниями сгорбившуюся старуху, он решил немного отдохнуть. Он стоял, облокотившись спиной о камень, пытаясь разглядеть родное селение, покоившееся на каменных террасах, созданных терпеливыми руками предков, не пожелавших много столетий назад подчиниться чужой, злой жажде власти над людьми. Ещё несколько десятков метров и он подойдёт к роднику. С детства он помнит этот удивительный источник, не замерзающий даже зимой.

Он с удовольствием оторвался от камня, но, сделав несколько всего шагов, замер на месте: чуткий слух охотника уловил едва слышимые голоса. Говорили на его родном

языке, но Лазиз был уверен, что ни один из жителей долины не имел такого наречья. То, что это не туристы и не геологи охотник знал точно. В такое время года ни те, ни другие так далеко в горы не пойдут. Да и какие в нынешние времена туристы и геологи.

Но тогда кто это? Он хотел окрикнуть незнакомцев, но решил не спешить. На едва слышимые голоса, он шёл выработанным за многие годы жизни в горах мягким охотничьим шагом. Неожиданно ему показалось, что голоса начинают отдаляться, и он, остановившись на миг, и по их направлению понял, что люди пошли в сторону селения. Лазиз увидел спины двух рослых мужчин одетых в серо-чёрную пятнистую форму.

“Что-то вроде спецназа” - подумал он. Но, разглядев их головы, обвязанные шёлковыми зелёнными платками, перехваченными в узел на затылке, засомневался в своём выводе. Таких платков и уж тем более на голове, ни спецназ, ни местные мужчины не носили. В нём нарастало внутреннее напряжение: неужели это боевики, о которых он часто слышал в долине, добрались и до их селения. Он остановился, тихо сняв со спины мешок, и уже налегке, низко пригибаясь, стал бесшумно переходить от камня к камню, сокращая расстояние между собою и идущими впереди незнакомцами.

Лазиз крался за ними до тех пор, пока они не подошли к дому старика, и вошли в него. Укрывшись за густым кустарником всего в десятке метров от дома, он решил продолжать наблюдение. Прошло не больше минуты, и неожиданно у дома старика стали собираться женщины их небольшого селения. Каждая из них держала в руках узел. На зов одной из женщин, из дома, в сопровождение боевика, вышел старик и забрал узлы. Сомнений не было, это были боевики. Но сколько их? Надо идти в дом к старику, там всё прояснится. Он поднялся с земли, не спеша перекинул за спину карабин, и сделав всего несколько шагов по направлению дома остановился. Из распахнувшихся дверей, передёргивая на ходу затворы короткоствольных автоматов, выскочили два боевика, криками приказав охотнику лечь на землю. Одно лишнее движение Лазиза и его изрешетили бы автоматные очереди. Он молча повалился на землю. Подбежавшие боевики сорвали с него карабин и рывком подняли на ноги.

-Это Лазиз. Он вернулся с охоты. Живет в нашем селении. Остановитесь, остановитесь, он свой. У него дети, жена, мать! - кричал подбежавший старик.

-Кто ты, и как сумел подойти к дому, никем не замеченным? Только не выворачивайся, я это сам могу с тобою сделать. – спросил и тут же уточнил Ризвон глядя в глаза охотника.

-Охотник я. Живу в этом селении. Охотился в горах, вернулся, и увидел вооруженных людей. Послушайте: я не знаю кто вы. Я не обязан давать вам отчёт в своём селенье, здесь мой дом. Кто вы и что здесь происходит? Как я незаметно подошёл к дому? Не знаю, меня никто не останавливал. - Лазиз решил не говорить о том, как он следил за двумя боевиками, но предчувствие беды охватывало его все больше и больше.

-А где твоё мясо? – спросил Ризвон

-Оставил у большого камня. Это там... - но не успел Лазиз поднять руку в указанном направлении, как был свален на землю ударом в спину.

-Запомни когда говоришь со мною, не маши руками и ногами, не верти головой. – прокричал Ризвон и бросил стоящему Файзи – Сходи со стариком за мешком с мясом, проверим, правду ли говорит охотник.

Не прошло и десяти минут, как у ног Ризвона лежал мешок охотника.

-Лазиз житель нашего селенья. В моём доме лежит хлеб, испечённый его матерью. Я же говорил, что мужчины селения на охоте, а он один из них. У него дети, жена. Он мирный человек: кормит охотой всех нас. – И встав между Ризвоном и Лазизом, и положил руку на плечо охотника, и желая окончательно успокоить всех, добавил – Это гости, а гостей не выбирают их принимают такими какие они есть. – Старик тяжело переводил дыхание

После последних его слов во дворе повисла напряжённая тишина, но он словно не замечая этого, и ни на кого, не глядя, взял охотника под руку и повёл в свой дом.

-Выстави пост там, где начинается тропа в долину, и не снимай его до тех пор, пока мы не уйдём из селенья. – Ризвон сдвинул брови и так посмотрел на Файзи, так что у парня похолодело в груди.

Ризвон приказал выйти из комнаты всем кроме старика, Лазиза и вернувшегося Файзи.

-Не строй из себя героя восточных сказок, от сказок я давно отвык. Расскажи мне всё о себе. Говори всё, ни чего не скрывая. - произнёс Ризвон.

Левая щека Лазиза дёргалась от нервного напряжения, ярость и бессилие душили его, но реальность брала своё. Ну что он может, рассказать о себе. Родился здесь в этом селении. Горные тропы знает как линии на ладонях своих рук. Живёт, так как жили его родители, которых он рано потерял. Два его брата и сестра давно уехали из селения, и живут в Ходженте. Жена, трое сыновей, и старая мать - главная забота его жизни. Что ещё говорить. Учился в долине в школе интернате, службу в армии проходил на Севере России, в глухой тайге, такой не похожей на его родные горы. Охотник не стал говорить, как много он узнал за два года армии, благодаря своему ротному командиру с которым потом переписывался много лет. Искрой сожаления осветилась его память о прежней, спокойной жизни, когда до 1991 года, даже в этом оторванном от всего мира селении чувствовалась огромная и сильная страна.

Все последующие события в Таджикистане, о которых он впервые, как и все в селе, узнал из радиоприёмника, повергли его в шок. Но, что зависело от него? Маленький человек, живущий высоко в горах, тот которого никто не спрашивал, чего он хочет. В долине в совхозном правлении, куда он пришёл узнать, так ли всё что говорили по радиоприёмнику напряжённым голосом дикторы, представитель местной власти его успокоил, как успокаивал всех тех, кто хотел знать о происходящей трагедии своего народа:

- Без власти не останетесь. Какой она будет? Это знают те, у кого сегодня оружие, именно они распоряжаются судьбами людей, в борьбе за власть на этой земле. Тогда в недалёком 1991 году, охотник удивился этим словам, выбрав для себя жизнь в соответствии с заповедями Корана. Охотник замолк, испугавшись своей откровенности, ведь неизвестно как воспримет его слова тот, кто владеет сегодня оружием, и скорее всего распоряжается судьбами людей. А то, что сидящий перед ним надменный бородач с автоматом в руках, стремился к обладанию власти, Лазиз не сомневался.

Слушая охотника, Ризвон понимал, что Лазиз высказал не все что мог: ситуация не располагала к откровениям - ну да Бог с ним. Главное, что охотник не сопротивлялся, когда его обнаружили: наверное, не хотел перестрелки, понимая к чему, это может привести. Но всё это для Ризвона было второстепенным, его волновало другое. Как убедить этого горца, и дикаря, вступить в его отряд? Ему нужны такие люди. Ему всегда нужны те, кто хорошо стреляет и знает горы, и кто немного диковат, и не оттёсан цивилизацией.

-Ты мусульманин, и знаешь, что такое Джихад. Мы с тобой одной нации, и самое главное одной веры. Мне и моим людям помогает Аллах, с именем которого мы воюем, за веру и справедливость, с теми, кто не даёт нам создать в Азии Халифат. На своей земле только мы сами с оружием в руках можем установить нужный нам порядок. Это трудно, но борьба не может быть лёгкой. Мне нужны войны, преданные Аллаху. Почему бы тебе не вступить в мой отряд? Я знаю, что вас мужчин в селении четверо, старик пятый, но он не в счёт. Из четверых мужчин один должен стать моджахедом: это справедливо и Аллах это оценит. Если бы остальные трое были сейчас в селении, вы бы меж собой решили, кто уйдёт со мной. Но поскольку сегодня по воле Аллаха, ты здесь один, тебе и придётся идти с нами – и это моё решение во имя Аллаха. И ещё: не в каждом селении я предлагаю

мужчинам стать рядом с собой. Сейчас я отпущу тебя домой, но жду тебя через полчаса. Иди и попрощайся с семьёй. Карабин будет ждать тебя здесь. Всё остальное я тебе объясню позже. - Ризвон резко кивнул Лазизу на дверь, и уже обращаясь к старику, так же жёстко добавил – А вы, Бобо, проводите его до дома и вернётесь обратно с ним.

Лазиз дошёл до дома, не видя дороги, думая о сделанном ему предложении. Молчал, и старик, понимая состояние охотника. Обнимая родных, Лазиз осознал, каким ударом для них будет новость, с которой он вошёл в дом. Сидя за дасторханом в кругу семьи, он пришел к решению отказаться от предложения Ризвона. Надо лишь посоветоваться с сидящим, рядом стариком, как сделать, чтобы его отказ не повлек за собой беды.

-По какому праву они распоряжаются судьбами людей, и каким законом определено это право? Наверное, это бандиты, которых ищут правительственные войска. А если власти узнают о них, и солдаты перейдут в наше селение? Что мы им скажем? И еще: сколько мне рассказывали, да и вы сами об этом говорили: мусульмане не могут воевать против мусульман.

Старик, опустив глаза, молча покачивал седой головой. Что он мог ответить? Только то, что согласен с каждым его словом? Но может ли это успокоить, охотника?

Что тебе сказать? - старик посмотрел на охотника - Люди Ризвона никому из жителей селения не приносят никого беспокойства. У нас только один выход: надо дожидаться их ухода. Я сам уведу их в горы. Об этом они меня попросили с самого начала, а я не мог им отказать – они гости.

-А как быть мне? – вскрикнул Лазиз.

-Думаю надо убедить Ризвона не забирать тебя с собою. В крайнем случае, ты должен сделать вид, что согласен с его предложением. Схитри и иди с ними, а через несколько дней, беги от них. Беги при первом удобном случае. Я сомневаюсь, что из-за тебя одного они вернутся сюда. Не забывай: они скрываются от правительственных солдат.

Немного помолчав, старик рассказал о том, как сегодня утром он уже просил Ризвона, уйти из селения, но утаил от охотника угрозу, прозвучавшую в свой адрес – к чему огорчать и без того потерянного от всего происходящего человека.

Время неумолимо бежало, истекли и тридцать минут. Охотник должен был возвращаться в дом старика, и попытаться отказаться от предложения Ризвона, сославшись на то, что в селении почти не осталось мужчин, а трое охотников из числа жителей, не вернувшихся с охоты, придут не скоро.

Часть четвёртая (продолжение).

Ризвон увидев в окно медленно идущих по улочке Лазиза и старика, приказал Файзи немедленно проводить охотника в комнату. Охотник вошел не один, за его спиной, стоял старик, но боевик сделал вид, что не удивлен этому, и пригласил всех к дастархону. Чувствуя внутреннее напряжение двух мужчин, он дождался, когда они сделают по глотку чая, поданного им, после чего короткой фразой спросил Лазиза о благополучии в семье и их восприятие новости которую им принёс в одном лице сын, муж и отец. И как не готовил себя Лазиз, прозвучавший вопрос застал его врасплох. Собравшись с духом, он стал говорить о том, что единственный взрослый кормилец в семье не должен оставлять родных, и селение где на пять домов всего четверо мужчин и старик, но был остановлен звериным рыком Ризвона, от которого даже Файзи, стоящий у окна попятился к дверям.

-Слушай, ты! Ты должен был проститься с семьёй, и сказать им, что уходишь по своей доброй воле, как правоверный. Называть себя под боком у жены, в окружение детей, мусульманином может каждый. Не у тебя одного есть семья, семьи есть и у нас, но мы их

оставили. Мусульманину мало, понимаешь, мало-о-о читать молитвы. Мусульманину, если он себя таковым считает, надо бо-ро-ться за свою веру. Сегодня мы боремся за создание Халифата. В этой борьбе у нас много врагов, и с ними надо воевать. - Ризвон неожиданно замолчал, пытаясь успокоить вскипевшую в нём ярость. Он знал себя: уже много раз вот так в гневе, были убиты те, кто противился его воле, и никто и ничто не могло его остановить.

Старик, не ожидавший такой реакции, оторопело, переводил встревоженный взгляд с Ризвона на Лазиза. Последние слова Ризвона могли означать только одно - хочет Лазиз или нет, его уход с боевиками, вопрос решенный. И дай Бог, чтобы этот разговор не закончился стрельбой. Молчал и Лазиз, заглушив в себе протест против этого грубого произвола, понимая, что любое слово, произнесённое им, вызовет в Ризвоне ещё большую ярость. Прав был старик: надо быть хитрее: согласиться сейчас, чтобы потом в горах сбежать от бандитов. Он не сменил позы, лишь в знак полного согласия приложил руку к груди, и чуть склонившись вперёд, твёрдо произнёс:

-Я только высказал просьбу семьи. Я согласен идти с вами.

Можно ли вообще верить этим людям? – пристально глядя в глаза охотника, думал Ризвон – Если их терпит Аллах, прощая многое, то и мне надо прощать их выходки, и уже вслух произнёс:

-Пойдёшь с нами. Деньги для твоей семьи я дам. Свой карабин получишь тогда, когда я сам решу его тебе доверить. Вздумаешь бежать, вернусь и уничтожу всю твою семью, да что семью, всё селение. Если понял меня, то иди к моим людям во двор - скоро выходим. Старик, ты поведёшь нас, как мы с тобой договорились, - Ризвон, искоса посмотрел на старика – Или ты тоже хочешь мне сказать, что не можешь идти?

Старик и Лазиз стояли рядом с домом, понимая, что сложившуюся ситуацию, может изменить только приход солдат из долины. Но чудес в горах не бывает: в долине о местонахождении Ризвона никто не знал. Скорее всего, никто и не предполагал, что боевики в ночной тьме пойдут в затерянное горное селение. Весть о решении Ризвона забрать в отряд Лазиза, как ветром разнеслась по всем домам селенья. Перепуганные люди молили Аллаха, чтобы оставшиеся трое мужчин не вернулись с охоты раньше времени: кто знает, может и их Ризвон, захочет забрать с собою. О том, чтобы спуститься в долину за помощью не было и речи, все боялись расправы боевиков. В доме охотника плачущие мать и жена наспех собирали Лазизу в дорогу вещи. Собственно вещей то и не было - так пара тёплых, ручной вязки носков из козьей шерсти. Всё остальное было на охотнике, не снявшего с себя в течение последнего часа, ни теплого, армейского бушлата, ни крепких десантных ботинок, купленных им по случаю три года назад в долине.

Ризвон, одетый в добротную, армейскую куртку явно не местного образца, вышел из дома, держа в руке автомат. Это могло означать только одно: группа уходит. Боевики замерли в молчаливом напряжении, ожидая его приказа, а он стоял, подняв глаза к серому утреннему небу, и неожиданно обратился к старику:

-Бобо, как ваше настроение? – спросил Ризвон как можно мягче - Мы уходим из селения, вверяя свою дорогу вам. Идите и попрощайтесь с внучкой, и скажите ей, что вернётесь через день другой.

-Внучка, в порядке. Ночь была беспокойной, к чему её будить - пусть поспит. Когда проснётся, всё поймёт сама, не маленькая уже. - Ответил старик, упрямо глядя в землю, всем своим видом показывая, что хочет сам решать, как и с кем, ему прощаться в своём доме.

-Позовите её сюда, пусть попрощается с вами при мне. Мало ли какие фантазии могут прийти ей в голову, после нашего ухода. – Ризвон строго посмотрел на старика. –

Запомните, с этой минуты вы подчиняетесь мне - и уж чуть мягче, будто подразнивая самолюбие старика, добавил - Кстати, бобо, почему она не замужем. Зрелый плод, опасен тем, что может презреть. Не боитесь передержать ее в невестах? Или в местных горах перевились мужчины?

При последних словах, Ризвон едва улыбнувшись, бросил хитрый взгляд на боевиков, приосанившихся и расправивших плечи. Старик же pokrылся холодным потом, по-своему истолковав адресованный ему вопрос.

-В горах свои взгляды на выбор женихов. – дерзко бросил старик, но решил для себя, что сейчас лучше подчиниться этому вспыльчивому человеку.

Дождавшись когда старик войдет в дом, Ризвон шепнул Файзи:

-Останешься, и присмотришь за женщинами и детьми, перед уходом мы соберём всех в доме старика, будешь держать их под прицелом автомата около часа. – И бросив холодный взгляд в небо, добавил: – Почувствуешь малейший подвох, расстреляй всех.

Прошла минута, потом другая, но ни старик, ни его внучка не вышли из дома, и Ризвон осматривающий мешок с уложенными в него лепёшками, и засушённым мясом, бросил вопросительный взгляд на Файзи, который без слов, сердцем предчувствуя беду, влетел в дом, и тут же выбежал из его дверей с криком:

-Девчонки нет!

В течение последующих двадцати минут, всё небольшое селенье было перевернуто вверх дном. Перепуганные женщины и дети, допрашивались боевиками, а сам Ризвон находясь в комнате беглянки, слушал оправдания ночных часовых. Неожиданно подойдя к небольшому окошку, завешанному ситцевыми занавесками, он слегка толкнул его, и тут же в комнату ворвался холодный зимний воздух, развеявший все вопросы, связанные с исчезновением девушки. Глядя в сад, и не поворачиваясь к Лазизу и старику, Ризвон процедил сквозь зубы:

-Старик, как ты мог предать меня?

Но стоящий за спиной Ризвона старик, не слышал этих слов. Он смотрел в распахнутое окно, думая только о том, как внучка, решила уйти из селения. И только после того как его начали трясти за плечи, до старика стали доходить слова Ризвона, кричавшего с перекошенным от ярости лицом:

-Говори, говори, когда она ушла! Не молчи! Ты же обещал, что не выдашь нас. Ты же называл себя правоверным! Ты же ... - Ризвон с силой оттолкнул старика в угол комнаты и тот не устояв на старческих ногах отлетел к стене, сильно ударившись о неё головой. Сам Ризвон резко повернувшись на шум за своей спиной, увидел как Лазиз, попытавшийся заступиться за старика, крепко схваченный боевиками стоит на коленях с вывернутыми за спину руками.

Еле сдерживая себя, Ризвон оттянул голову Лазиза за волосы, и яростно дыша в его лицо, прошипел:

-Ну, что охотник, теперь ты наш проводник, а со стариком ..., а со стариком ты поговоришь, это и будет твоим первым испытанием на верность мне. Но не забывай, что в этом мире у тебя есть семья. Это там, в раю у тебя будут гурии, а здесь у тебя семья. Ризвон перевёл взгляд с Лазиза на стонущего в углу комнаты старика, и бросил стоящему рядом боевику:

-Глаз не спускай с него, убей, если захочет бежать.

В комнате повисла томительная тишина. Старик, придя в себя, сидел прислонившись к стене шепча молитву о помощи внучке. С первого дня появления боевиков в селении, он согласился на все условия Ризвона, только ради спокойствия сельчан. Но, наверное, было, что - то большее чем их спокойствие, то ради чего внучка решила на отчаянный шаг. Но как она ушла? Неожиданная догадка обожгла его: она могла уйти только по той, единственной тропе которая...

Он вспомнил день когда, ход к этой тропе, начинавшейся в густом кустарнике, растущем в самом дальнем конце его небольшого сада, показал внучке, тогда ещё двенадцатилетней девчужке. Умница, что сегодня вспомнила всё, что он рассказывал ей тогда. Умница, что решилась уйти из селения и не побоялась этой страшной тропы. Но самое главное решила, что эти бандиты должны быть схвачены пусть даже ценой жизни тех, кто живёт в этом селении. Она это сделала во имя других, многих, и многих людей, живущих где-то там за горами. Да именно желание помочь другим людям толкнуло её на этот рискованный шаг. Его охватила гордость за девушку, которая мгновенно сменилась страхом за нее - он знал опасности, подстерегающие того, кто решился бы воспользоваться тропой.

-Где, девчонка? - голос Ризвона возвратил старика к действительности, возвращая и тупую боль в голове, и теле. - Тебе много лет и последнее, что я могу сделать для тебя, это выслушать, как девчонка вышла из селения, и куда направилась. Хотя куда она направилась мне и так понятно. - Последние слова он выкрикнул, и уже не сдерживая ярости, сильно ударил ногой в грудь старика, от чего тот глухо вскрикнул, и скорчившись от боли, завалился на бок.

Попытавшийся встать с колен Лазиз, был вновь повален на пол, держащими его боевиками и всё последующее воспринималось охотником уже как во сне. Он видел как Ризвон, взяв за ствол свой автомат, и взмахивая им словно дубиной, стал наносить старику удары по ногам, от чего тот страшно кричал, заглушая криком хруст собственных ломающихся костей.

Неожиданно Ризвон остановился, и повернувшись к Лазизу крикнул:

-Смотри что бывает с предателями, и докажи мне что ты верен мне. Докажи. Может быть, ты найдешь нужные слова к его сердцу, и он тебе расскажет, как его внучка вышла незамеченной из селения. Начинай, начинай ..., у нас мало времени. Возьми хорошую палку и бей его, только по рукам, голова его нужна мне, ради его языка.

По приказу Ризвона, Лазиза подняли на ноги, и он, понимая тщетность любой попытки сопротивления, лихорадочно думал, что ему делать.

Неожиданно для всех, Лазиз произнёс спокойным голосом:

- Ризвон, я готов идти с твоими людьми на поиски девушки. Готов потом быть твоим проводником и моджахедом, но всё это при одном условии: ты оставишь старика, и больше не тронешь его. Или ты сейчас же согласишься с моими условиями или ... Ни женщины, ни дети не выведут тебя в нужное тебе место в этом ущелье. Они не знают дороги. И ещё перестань угрожать мне расправой над моей семьёй – надоело. Хочешь убить их, убей. Всё в воли Аллаха.

Слова охотника, вызвали у Ризвона ярость, но в этой ситуации обстоятельства были не на его стороне - боевики действительно не смогли бы без проводника пройти в дальнее ущелье. Да, прошлой ночью им повезло, и они сумели выйти на затерянное в горах селенье. Но будет ли щедр на милость Аллах в этот раз?

-Отпустите его – сквозь зубы, процедил Ризвон, и ни на кого не глядя, вышел во двор, где от него отшатнулись насмерть перепуганные женщины. Но он никого не видел, думая лишь о том, что уход из селенья придётся отложить, и сейчас же начать преследование девушки ушедшей в долину. И ещё он проклинал себя, что поверил старику, оставшись отдохнуть несколько, лишних часов в этом селении. Надо, надо было, не сбавляя темпа, прямо ночью, схватив старую бестию за шиворот заставить вести группу по ущелью, а потом пристрелить там же, чтобы никто никогда не узнал, куда он их увёл. Но совершённое, уже не изменишь. Уже через минуту Ризвон послал в погоню Файзи и двоих боевиков, наказав им внимательно следить за охотником.

Лазиз шёл глядя себе под ноги, словно пересчитывал камни, не слыша за своей спиной дыхание идущих за ним боевиков. Через тридцать минут один из боевиков неожиданно тихо щёлкнул пальцами, указывая в сторону скал: по самому краю каменной террасы, медленно двигалась девушка, плотно прижимавшаяся к каменной поверхности отвесной скалы.

В оптический прицел снайперской винтовки Файзи, разглядывал девушку: она была хорошей мишенью, и подстрелить ее с этой позиции не составило труда. Оценил ситуацию, и Лазиз, понимая и то, что Наргиза должна была пройти опасный участок, потом спуститься вниз по крутому горному склону, усеянному камнями, к реке и уже двигаясь вдоль её берега примерно с километр подойти к тому месту, где начиналась долина.

Файзи, о чем - то шепотом говорил с двумя боевиками, потом обратился к Лазизу:

– Остальную часть пути мы должны пройти намного быстрее нее, тогда она не уйдет от нас. Наверное, будет участок, где мы сможем просто подстрелить её, но не убивать. Она нам нужна, пусть даже раненная.

Лазиз похолодел, жалея о том, что у него нет оружия. Любой предупредительный выстрел был бы услышан девушкой. И ещё он знал, что минут через двадцать они достигнут того участка склона горы, где хорошо будет просматриваться русло реки, маловодной в это время года. Через несколько минут группа вышла к нужному им месту, и залегла меж камней. Сам Лазиз лежал рядом с Файзи, который, не опасаясь охотника, оставившего семью в руках Ризвона. Ждать пришлось не долго - на том берегу реки показалась ничего не подозревающая девушка.

Она не поняла, что было раньше осознание услышанного выстрела или резкая, обжигающая боль в ноге. Упав, она сильно ударились головой о камень, потеряв на мгновенье сознание и только придя в себя поняла - в нее стреляли с противоположного берега. Из простреленного колена ноги сочилась густая кровь. Она попыталась подняться, но, не выдержав пронизывающей боли, вновь потеряла сознание.

В это время боевики спешно спускались с горы к каменистому берегу реки, и подойдя к воде, остановились, выбирая место для переправы.

Лазиз оказался за спиной Файзи наблюдающего за своими товарищами входящими в воду. Сильным ударом увесистого камня, охотник свалил Файзи, вскрикнувшего от боли. На его крик обернулся один из боевиков, и увидев, как Лазиз пытается сорвать автомат с лежавшего без сознания, Файзи, метнул в охотника нож. Подбежавшие боевики, остервенело били Лазиза, потом связав его, и оставив под присмотром стонущего от боли Файзи, перебрались на другой берег. Осторожно подойдя к неподвижно лежащей Наргизе и осмотрев её, они перевязали ей раны куском ткани, оторванным от её же платья.

Уже через час группа преследователей вернулась в селение. Девушку, потерявшую много крови от полученных ран, нес на спине один из боевиков. Следом за ними тяжело передвигая ноги, шёл Лазиз, замыкал цепочку Файзи, и поддерживающий его третий боевик. Медленно идущую группу ни кто не встречал - селение казалось вымершим. Только у дома старика, к ним подбежали боевики, отогнавшие плачущих женщин, попытавшихся подойти к Наргизе и Лазизу.

Файзи вполголоса рассказал командиру обо всём, что с ними произошло, после чего по приказу Ризвона, мать, жену и детей Лазиза, бандиты, жестоко избив, заперли в их же домике.

– Видно в этом селении, нет тех, кому можно доверять. Притащите во двор старика, пусть будет рядом с любимой внучкой. – Яростно кричал своим боевикам Ризвон – Нам нельзя оставаться в этом селении ни минуты, уходить надо немедленно. Но прежде чем уйти... -

он не закончил фразы, прерванный раздавшимися одновременно отчаянными воплями женщин и криком Наргизы, распластавшейся над залитым кровью телом, умершего от побоев старика. Девушка целовала седую голову деда, вымаливая у мёртвого прощение.

-Заткните же, наконец, и её и этих баб, или я сам ... - Ризвон смотрел налитыми кровью глазами на боевиков, и они, зная, что кроется за этим взглядом, тут же бросились прикладами автоматов выполнять приказ командира.

Беззащитные женщины сразу притихли, прикрывая своими телами детей - помощи им ждать неоткуда: трое мужчин ушедших на охоту, вернутся неизвестно когда, но, даже появившись в селении, они будут слабой защитой - слишком неравными были силы.

-Слушайте женщины! – громко крикнул Ризвон - Я, пришёл в ваше селение и попросил только об одном: дать нам приют до утра. Это то небольшое, что нужно было мне и моим людям. Мы ничего у вас не брали, хотя имели право забрать многое. Мы довольствовались тем, что вы дали нам в дорогу, и ещё мы попросили не допустить предательства. Но нас предали, нет даже, не нас - Аллаха. Но Он всемогущ, и видит всё происходящее на земле, разделяя и оценивая всех по поступкам, помогая одним и наказывая других. Спасибо Аллаху, он не оставил нас и помог нам, наказывая вот этих... – Ризвон протянул руку в сторону старика, Лазиза, и Наргизы - Так пусть свершится то, что должно быть совершенно над ними. Одно только добавлю: я не трону семью предателя, только из милости Аллаха. Запомните этот день! А ты охотник умрёшь как собака, без последней молитвы, и без повязки на глазах, видя лица своих детей. - И уже повернувшись к стоящему рядом боевику, приказал:

-Быстро приведи сюда его семью!

-Не делай этого ... – закричал охотник – Прошу тебя как мусульманина, не делай этого на глазах моих ... Пощади их! Они только дети и не виноваты в том, в том, что мы взрослые не можем

-А кто пощадит меня, и моих людей? – оборвал его криком Ризвон – Солдаты, за которыми побежала, эта сука, которой ты хотел помочь, сказав до этого, что станешь одним из нас?

-Но мы же не приходили в твой дом ...

-Это не я пришёл к тебе. Это Джихад! – оборвал охотника Ризвон, и увидев семью охотника добавил встав за его спиной – А вот, и те, кого ты не хотел видеть...!

Обезглавленное тело охотника, судорожно дёргаясь, повалилось на серую землю, заливая её густой, алой кровью. Неожиданно для всех Ризвон, с головой Лазиза, в руках направился к дому старика. Он шёл медленно, ни на кого не глядя, на ходу смачивая пальцы свободной руки кровью сочившей из горла убитого охотника, и уже подойдя к стене дома, стал чертить на ней арабской вязью слово – Джихад.

Наргизу, видящую эту дикую сцену, охватила ярость. Это и есть Джихад? – спрашивала она себя, всматриваясь в губы Лазиза, с которых капала кровь. И эти мракобесы и убийцы, называют себя солдатами Аллаха, олицетворяющего высшее добро и милосердие? Неужели это Он, к кому и в радости и в горе обращены слова людей, независимо от того молятся они Ему или нет? Ведь люди сохраняют Его в своих душах как единственно чистое, справедливое и высшее, что есть в созданном Им мироздании. Неужели кровь так необходима Ему, для утверждения веры на этой земле? Вся её сознание сконцентрировалась на этих вопросах. Нет, нет, и нет! Не этого хотел Аллах. Ведь создав людей, и видя их грехи, Он сумел простить им всё, в надежде на понимание его собственного милосердия.

Не в силах больше сдерживать своё презрение к убийце, она закричала:

-Ты средневековый палач и мракобес, но ... не человек, имеющий право произносить

имя Аллаха! Будет проклята женщина, породившая зверя, и вскормившая его молоком из своей груди... Будут прокляты те, кто после твоих злодеяний назовёт тебя мусульманином...! Будут ... - последние слова она не успела выкрикнуть. Казалось древний варвар, начал исполнять над ней танец смерти, и единственно, что связывало эту кровавую сцену с реальностью, были крики ужаса стоящих рядом женщин. А Ризвон, страшный, в диком экстазе, рыча зверем безостановочно полосовал ножом уже недвижимое тело девушки,.

Наргиза уже ничего не чувствовала. Лишь на миг, её угасающее сознание, осветилось пониманием великой боли, которую испытывал Аллах, видя происходящее.

Прошло несколько минут, в течении которых успокоившийся Ризвон, и его боевики отойдя от места кровавой расправы читали молитву. Дочитав её до конца, Ризвон обратился к онемевшим от ужаса, женщинам:

-Мы уходим. Я знаю, что вы все равно пойдёте в долину, но если вы это сделаете раньше чем через два дня после моего ухода, я вернусь только ради того, что забить ваши животы, камнями этого ущелья.

Ещё долго Ризвон слышал за спиной плач женщин, и детей. Даже пройдя много километров по ущелью, ему казалось, что он слышит их надрывные голоса. Несколько раз он оглядывался, не понимая, что это горный ветер разносит весть о творимом им на земле злодеянии.

Часть пятая

Ризвону повезло и в этот раз, и ему казалось, что удача, посланная ему Аллахом в эти дни, не иссекаема - он сумел привести группу в безопасное место. Теперь предстояло добраться до Душанбе, и сделать это можно было, только разбившись на небольшие группы, по два, три человека – так легче оставаться не замеченными даже в горах. Он оставил с собой только Файзи. Но ни с чем не могли сравниться всплывающие в его памяти мысли о недавней гибели младшего брата Фатхуддина. Старший брат Бахром, никогда не был столь дорог Ризвону, как Фатхуддин. Но даже при этих обстоятельствах Ризвон не хотел терять Бахрома, уже несколько недель находящегося в Душанбе в камере следственного изолятора. И это после нескольких удачно проведённых операций по захвату в заложники сотрудников ООН, и журналистов, долгих переговоров по их освобождению с первыми лицами России, и Таджикистана. Казалось, ещё немного и все условия Бахрома, будут выполнены. Но Бахрома подвели необузданное стремление к власти и ... деньгам.

Прав был Ахмад Шах Масуд в последнем телефонном разговоре:

– Бахром, возможно и сам того не желая, сделал всё, для того, чтобы опорочить тебя в глазах многих и многих твоих сторонников. Зря ты вернулся в Таджикистан. Сегодня, я уже ничем не смогу помочь, не только Бахром, но и тебе. Последний захват в заложники сотрудников ООН, был самой большой ошибкой Бахрома. Сейчас перед лицом мировой общественности, ни один Исламский центр не рискнёт сказать в его защиту даже одного доброго слова. Но самое неприятное, то, что тень Бахрома упала и на тебя ...

Ризвон сильно встряхнул головой, словно отмёл последние сомнения, и окончательно решил идти в Душанбе, и сделать всё, чтобы Бахром оказался на свободе. Он пойдёт на любые жертвы, но добьётся освобождения брата, и они вместе уйдут в Афганистан, и там начнут всё с начала. Брат есть брат, даже при всех существующих между ними разногласиях ближе него у Ризвона никого не осталось.

Пистолет с запасом обойм, разобранный автомат с четырьмя полными магазинами,

миниатюрный Коран, бинокль, четыре чёрствые лепешки, уложенные в большой мешок – всё, что осталось у Ризвона, после Афганистана. Ему надо было привести себя в порядок. После многодневного пребывания в горах, он своей неухоженной бородой и изодранной камуфляжной формой, обязательно обратил бы на себя внимание любого сотрудника милиции. Не лучше выглядел, и Файзи. Но его спасал лёгкий юношеский пушок над верхней губой, придававший его лицу невинность, хотя одежда, и обувь, как и у Ризвона, были не в лучшем состоянии.

Было решено, Ризвон спрячется в поле, а Файзи отправиться в ближайший населенный пункт, и купит там одежду, обувь, после чего походит по рынку, и выяснит, насколько опасна дорога, ведущая к Душанбе. И уже через два часа, он бродил по рынку, стараясь не привлекать к себе внимание, выясняя как бы, между прочим, у торговцев, сколько милицейских блок постов они проехали по дороге в Душанбе. Услышав несколько коротких рассказов словоохотливых лавочников, он всю обратную дорогу обдумывал их положение - у них не было документов, значит, он и Ризвон могут только полями, ночью, ориентируясь на трассу идти в сторону Душанбе. Отсидевшись оставшуюся часть дня в густом кустарнике, в километре от трассы, они за ночь дошли до Душанбе. Ризвон не стал рисковать собой. Укрывшись в полуразрушенном домике, давно оставленном хозяевами, и тщательно объяснив парню маршрут движения по улицам города, он утром направил его к своей тетке, живущей на одной из близ лежащих окраин столицы.

Огромные толпы людей стояли на остановках троллейбусов и автобусов, которые в это беспокойно время практически не ходили. За свою короткую жизнь Файзи, никогда не был в больших городах, не считая Кабула. Ему казалось, что прохожие, особенно те из них, кто был одет в военную форму, как-то особенно смотрят на него. Но он ошибался – у каждого были собственные проблемы или горе, и никому до него не было ни кого дела.

Нужную ему улицу и дом, он нашел без труда, но не стал сразу стучаться в дверь, пройдя дважды мимо нужных ему ворот, одновременно уточняя на случай возможной опасности, варианты бегства. Только после того, как были просчитаны все за и против, Файзи не спеша, несколько раз стукнул в дверь. На стук отозвалась немолодая женщина, подметавшая двор, и едва дверь приоткрылась, Файзи скользнул во двор, заверяя оторопевшую хозяйку, что пришел, с хорошей для неё новостью. Говоря это, он украдкой осматривал двор, пытаясь заметить, хоть, что-то подозрительное.

-Я, от ака Ризвона. Мы познакомились в Кабуле, и он, зная, что я направляюсь в Душанбе, попросил меня навестить, когонибудь из своих родных. Вот записка, написанная им.

Файзи, протянул женщине написанную Ризвоном записку, со словами приветствия и просьбой помочь парню. Женщина перечитала текст записки несколько раз, потом внимательно оглядела парня с ног до головы, и пригласила его в дом. В доме кроме них никого не было. Они несколько минут, молча пили душистый зеленый чай. И Файзи почувствовал себя ребёнком, словно вернулся в детство – тот же покой, словно не было прошедших лет, залитых кровью людей. Но уже через миг его умиротворённое состояние было нарушено голосом хозяйки:

-Я давно не видела племянника. Как он?

Файзи рассказал женщине выдуманную историю о своей короткой встрече с Ризвоном, потом обратился к хозяйке с просьбой помочь снять в аренду небольшую городскую квартиру. Она не отказала и уже через два часа, он лежал на курпаче в снятой им двух комнатной квартире расположенной недалеко от того места, где в развалинах заброшенного дома его ждал Ризвон. Ближе к вечеру он вышел из квартиры и пошел на базар, где слился с толпой покупателей. Не сделав, никаких покупок он ушел с базара и ещё часа два ходил по неосвещённым улицам, и только убедившись, что за ним ни кто не следит, вернулся к Ризвону, чтобы увести его в их новое логово.

Ризвон не пытался восстановить связь, с теми, кто в 1992 году клялся ему в поддержке и верности, не веря никому из них.

Прошло ещё несколько дней, в течении которых Ризвон в целях безопасности ни разу не покинул квартиру. Соседи их не беспокоили, да и время было такое - люди старались меньше знать друг о друге, делая вид, что ничего не слышат, и не замечают. Днём в городе внешне всё было спокойно: люди ходили по своим делам, но во всём жизненном укладе чувствовалась скованность и напряжённость. С наступлением вечерних сумерек, всё замирало – ни машин, ни пешеходов, ни милиции. Город замирал. Люди спешили до вечерних сумерек попасть домой, чтобы затаится до наступления рассвета следующего дня. Но даже за закрытыми дверьми квартир, никто не имел гарантий дожить до утра. Каждую ночь то в одном, то в другом районе города гремели выстрелы. Официальные власти молчали о ночных происшествиях, чтобы не сеять панику среди населения, газеты же ничего не писали, не рискуя использовать в своих материалах слухи, потому, что их было слишком много, и никто толком не знал, кто в кого стрелял. На ночных улицах, можно было кричать от страха, смеяться в истерике, плакать от горя или просто умирать. Никто не помог бы - зрителей не было, были только жертвы и преступники.

По утрам Файзи ходил на базар, покупал продукты и свежие газеты, стараясь не обращать на себя внимания, а потом с большой осторожностью возвращался в квартиру. Ризвон слушая его, сделал вывод - днём милиция не вмешивается ни в какие, даже случайные происшествия, за исключением дорожных аварий, да и то, не проявляя особого служебного рвения. На улицах милицию интересовало только, чтобы, не было перестрелок или стихийных митингов, но это не исключало выборочных проверок паспортов у прохожих, или документов на право ношения оружия.

Пора было собирать боевиков распущенных им в горах, после кровавой расправы над Наргизой, стариком, и охотником. Но лишь четверо из его боевиков, дошли до Душанбе, остальные же уйдя от него, словно освободив себя от клятв служить Джихаду, стали пробираться в свои родные селения расположенные в разных областях Республики.

Ризвон внимательно выслушал каждого из четверых боевиков, внутренне радуясь, что они так же фанатично преданны ему. Оружие они спрятали в горах, не рискуя появляться с ним в столице, но это не очень огорчало Ризвона. Главное с ним были те, кого он мог назвать истинными единомышленниками, воспитанными и проверенными кровью тех, кто был против создания Халифата. Они были его порождением: как, и он, отрёкшиеся от всего, что им было когда-то дорого. О сбежавших боевиках он старался не думать, лишь понадеявшись на, то, что однажды они встретятся, и уж тогда ... не Аллах, а он воздаст им, за измену.

Уже в начале второго часа ночи, четверо боевиков по одному, с интервалом в несколько минут покинули квартиру. Ризвон был спокоен за них, они были горожанами, знающими город, а ночь была их молчаливым и надёжным союзником. По ночам всё же встречались редкие прохожие, в основном военные, спешащие домой с ночного дежурства, или идущие на дежурство. И самое главное: военные были вооружены: у каждого на боку висела кобура с пистолетом. Уже следующей ночью, офицера вооружённого пистолетом, идущего быстрым шагом по центру тёмной улицы, Файзи крадучись следом проводил до дома, и напав на него в подъезде завладел оружием. Вылазки боевиков продолжалось три ночи подряд.

Через две недели, Ризвон поручил Файзи, выйти днём в город, только с одной целью: отследить любого состоятельного коммерсанта, и узнать о нём всё, что только можно

узнать. Файзи в точности выполнил задание, весь день скрытно преследую жертву, отобранную им у здания одного из крупных банков города.

Место работы, место жительства, распорядок рабочего дня, маршрут движения от дома к месту работы, и обратно, и главное отсутствие личной охраны, - обо всём этом Файзи подробно рассказывал командиру, не упуская ни одной подробности.

На следующий день Ризвон, приказал не Файзи, а уже другому боевику проделать ту же работу. А у Файзи в этот день было новое поручение - нужно было купить дом на окраине Душанбе. Уже к вечеру, Файзи имел четыре варианта предложений на покупку домов расположенных в разных концах Душанбе.

Файзи подробно описал Ризвону каждый из увиденных им домов, сделал схему прилегающих к ним улиц, дав возможность командиру самому во всём подробно разобраться. После долгого обсуждения со своими боевиками, Ризвон выбрал небольшой пяти комнатный дом, затерянный в глухом тупике на окраине Душанбе. Дом был огорожен высоким деревянным забором, а двери ворот были единственными в тупике, в то время как все соседские дворы располагались таким образом, что двери ворот выходили на другую улицу.

Хозяева дома собирались уезжать из Душанбе, поиск покупателей затянулся, и они практически сразу согласились на предложенную Файзи невысокую цену. На покупку дома были потрачены все оставшиеся у Ризвона деньги, но это его не очень огорчало. Той же ночью вся группа, таясь, по одному перешла в своё новое логово, оставив в квартире лишь одного из боевиков.

Освоившись в течении суток на новом месте, Ризвон решил начать то, ради чего он пришёл в Душанбе – похищение заложников из числа сотрудников международных организаций аккредитованных в Таджикистане, с целью обмена их на Бахрома. Эта операция требовала большой подготовки, но одной из первостепенных задач было соблюдение конспирации и собственная безопасность. Для начала он решил прорыть подземный ход, ведущий из центральной комнаты дома, и заканчивающийся в дальнем конце сада близ лежащего соседского дома. План был прост по замыслу, но в исполнении требовал огромных физических усилий.

Часть шестая

Самат смотрел из окна своего дома, на деревья сада. Утро было раннее, дети ещё спали. Через час всё в доме придёт в движение. Жена на кухне будет готовить завтрак, а дети, превращая всё в шалость, готовиться к школе. Всё хорошо и привычно. И слава Аллаху, что у него так. Что ещё надо? Ему почти сорок лет, жена на десять лет младше его. Трое сыновей. Бизнес идёт не плохо. На безбедную жизнь хватает, грех жаловаться. В городе его уважают, ну, а то, что завидуют ..., так есть чему.

Самат был доволен сегодняшним днём. Он долго шёл к нему. Особенно трудно было в начале политической неразберихи 1991 году. В тот страшный год, за два месяца до начала событий, он получил в своё руководство большой городской гастроном. Пятнадцать лет кропотливого труда, и риска. Путь от прилавка до кабинета директора гастронома, трудный путь. Когда на двух площадях Душанбе, представители разных течений и партий, и проходимцы муллы, агитировали каждый в свою пользу замороченных людей, он здорово перепугался. Но погромы миновали его гастроном. Ему даже начинала нравится творившийся в республике хаос, в котором можно было списать недостачу продуктов, на вооружённых бандитов, которые якобы заходили в его гастроном, и делали поборы. Но к

началу 1994 года в столице был восстановлен относительный порядок, хотя и не тот жёсткий который был при советской власти, с вечными проверками и ревизиями, но всё же порядок. В тот год многое изменилось, и для него наступила жизнь, о которой он и не мечтал. Власть как бы существовала, но это было лишь видимость. Его заметили сверху, и он попал под личную опеку очень большого начальника, такого большого, что одного звонка хватало для решения многих проблем, которые в соответствии с уголовным Кодексом грозили многими годами тюрьмы.

Каждый раз, когда Самат задумывался об этом человеке, у него перехватывало дух, без него, он выходец из бедной семьи, не достиг бы сегодняшнего благополучия.

Гастроном, постепенно стал как бы собственностью Самата, и его уже не смущала высокая плата за эту фиктивную собственность. Но самым главным было отсутствие проверок со стороны государственных контрольно-ревизионных учреждений. Вторым обретенным благом было то, что существующие в городе криминальные группировки ни разу, не посмели ему предъявить финансовых требований. Случайные хулиганы быстро успокаивались рослыми ребятами из охраны магазина, связанными с криминальными структурами города, с которыми он сам по своей инициативе делился процентом от дохода.

Год назад Самат на свой риск вышел на оптовую торговлю продуктами питания. Выкупив контейнер не скоропортящихся продуктов, прибывших из России, он создал видимость розничной продажи, но на самом деле весь товар продал оптом, по более высокой цене в один из областных центров Республики. Деньги отражались в бухгалтерских и статистических отчётах гастронома, банк принимал наличную выручку, но большая часть этой выручки в местной валюте превращалась в доллары, которые вывозились в Россию, для закупки следующей партии товара. Три удачно проведённые операции, принесли неплохие доходы, и были оценены его покровителем, который стал доверять ему крупные государственные контракты на получение товаров от зарубежных партнёров.

Самат не лез в политику, не афишировал имя покровителя, и его за это тоже ценили. Ему стали доверять решение многих коммерческих вопросов, и он всё глубже втягивался в крупный бизнес. Ему везло. Его не подводили ни поставщики, ни крупные продавцы валюты, а он не вел свои дела, вовремя рассчитываясь за поставляемый товар и за кредиты банков, делая своё дело тихо, и неприметно, что было совершенно несвойственно для других крупных коммерсантов. Но при всём своём благополучии, он не терял голову и в отличие от многих не выпячивался, только... построил, дом, по размерам чуть меньше дома своего покровителя, и купил вторую машину – импортную, ту о которой мечтал последние годы, и на которой ездил только в самых исключительных случаях.

Неожиданно прозвучал звонок. Жена крикнула, что это молочница, принесла молоко. Самат видел в окно, как жена с кастрюлей в руках подошла к входной двери ворот, открыла её и уже через секунду стала пятиться обратно во двор. Следом за ней вошёл молодой таджик с автоматом в руках, дуло которого упиралось в грудь жены. Самат похолодел, лихорадочно соображая, кто посмел вот так нагло утром сделать вооружённое нападение на его дом, сразу пожалев, что понадеялся на авторитет своего покровителя, и отказался от вооружённого охранника в собственном доме.

В следующую минуту, жена и налётчик вошли в комнату. Перепуганная женщина молча смотрела на автомат боевика, а стоящий рядом Самат не шевелился, понимая, что любое его движение вызовет выстрел. Он не был героем, и всё происходящее в его доме вызывало у него сильное чувство страха.

-Если нужны деньги, я их дам. Только не трогайте нас. Отдам, всё, что у меня есть. - шептал он глядя со страхом на боевика.

-Слушай, ты! Будешь делать то, что я тебе скажу. Сейчас ты на своей машине поедешь со мной. Машину поведешь сам. Одно лишнее движение и я тебя пристрелю. Иди в машину и заводи её. А ты женщина по моему сигналу откроешь ворота. После нашего отъезда сиди дома и жди звонка мужа. Когда приедет, водитель мужа скажешь ему, что муж заболел и сегодня не выйдет на работу. И ещё, ни каких криков о помощи. За домом следят мои люди. Если, что пристрелят и тебя и детей. Нам терять нечего – бандит выразительно перевёл ствол автомата в сторону Самата.

Перепуганный Самат и его жена исполнили всё, так как приказал боевик и уже через двадцать минут, он стоял насмерть перепуганный в чужом доме перед Ризвоном.

Они никогда не встречались и не были лично знакомы, хотя родились и выросли в одном городе. Но когда Ризвон произнёс своё имя, Самат был на грани потери сознания. Те самые братья террористы, наделавшие столько шума при захвате сотрудников ООН, журналистов.

Но, что им от него надо. Деньги и только деньги - ответ как - то сам по себе пришёл ему в голову.

-Ты, сейчас позвонишь домой своей жене. Успокоишь её и скажешь, что бы ни кому не сообщала о том, что произошло. Твои поиски приведут только к тому, что мы тебя убьём. Попросишь жену приготовить двадцать пять тысяч долларов. Скажешь ей, что деньги нужны через три дня. Наш человек сам даст о себе знать. Если будет засада тебе конец, не говоря уже о семье. Получим деньги и отпустим тебя. А, чтобы, ты не скучал, дадим тебе работу, будешь копать землю, прямо в этой комнате. Кормить тоже будем, но работать надо хорошо - Ризвон, повернулся к стоящему за спиной Самата, Файзи - Сделай, как я сказал, и сделай так, что бы наш дорогой во всех отношениях гость, и первопроходец, был всем доволен.

Самат успокоил по телефону жену, сказав ей всё, что она должна сделать, и предупредив о том, что любое не правильное действие, повлечёт его смерть. Он был спокоен, что она найдёт деньги, зная, где он хранил их. Требуемая сумма у него была, и он безболезненно мог её отдать. Главное быстрее выбраться отсюда.

Его ни на одну минуту не оставляли одного, не выводя из той комнаты где он говорил с Ризвоном, и он отметил про себя, что все действия боевиков связанные с его захватом с первой минуты были продуманы и выверены до мелочей. Сколько боевиков было в доме, он не знал, да и не пытался глубоко задумываться над этим. Мысли о побеге, или каком либо сопротивлении он не допускал, потому, что никогда не был героем. Не добавить сдачу покупателю, и не довесить товар - это было, то единственное на что он мог бы решиться в жизни. Через час, после телефонного звонка, пообедав шурпой, которую ему дал один из боевиков, Самат начал работу.

Вдвоём с Файзи он сдвинул в сторону громоздкий сервант. Под сервантом, деревянная часть пола была заранее аккуратно выпилена. Самат начал копать, не задаваясь вопросом, зачем нужно это углубление под полом. Землю из комнаты выносил другой боевик, а Файзи молча наблюдал за работой, делая редкие замечания по размерам ямы.

После двух часов изнурительной работы, когда яма была уже почти в рост Самата, Файзи разрешил сделать перерыв. Принесли чайник чая. Самат, вымотанный до предела, сел прямо на полу, и под наблюдением Файзи, пил горячий чай, задавая себе один и то же вопрос, когда кончится этот кошмар.

После короткого отдыха, Файзи объяснил ему, как надо копать дальше, и Самат понял, что он копает не просто яму под погреб, а лаз. Ещё через два часа следующий перерыв. Сил вылезти из ямы у Самата уже не было, и он, сидя на дне ямы, вяло пережёвывал кусок лепёшки запивая её поданным в яму, чаем. Сколько часов прошло он не знал. Часы он оставил дома, не до них было. За всё время работы, Файзи ни разу не спустился вниз

проверить, как идут дела у Самата, только предупредил: если не хочешь проблем, делай всё добросовестно. И он делал всё добросовестно, во всяком случае, так же добросовестно как обвешивал, и обсчитывал покупателей.

В десять часов вечера. Файзи приказал ему вылезти из ямы. Там же в комнате Самат умылся в ведре холодной воды. Второе ведро с крышкой стояло для оправки естественной нужды. Весь вымазанный в земле, он уже не выглядел тем сытым и довольным человеком, каким был ещё сегодня утром. Он отупел от непривычной для него работы и уже ничего не замечал вокруг себя. Аппетита не было, и он вяло пережёвывая поданный ему плов, щедро заправленный хорошим куском мяса, уснул там же на полу, с ложкой в руке. Дом не отапливался, но Самат проспал всю ночь, не чувствуя холода. Рядом с ним просидел Файзи, не сомкнув глаз всю ночь, и только на рассвете его сменил один из боевиков. Самата разбудили в шесть утра, и он, под светом керосиновой лампы опять стал копать ненавистный ему подземный лаз.

Так продолжалось два дня. К концу третьих суток, Самата, совершенно отупевшего от всего того, что с ним происходит, привели в другую комнату, где его ждал Ризвон.

Ризвон сидел за дастарханом, в богатом чапане, и пил чай, а грязный, небритый, вымазанный в земле Самат, покачиваясь, стоял в метре от бандита в душе, ненавидя его, и понимая, что от этого человека зависит его жизнь.

-Деньги мы получили, жена тебя не подвела. Работаешь ты тоже хорошо, замечаний нет. Но ты ни разу за эти дни не помолился. Это плохо. Такое неуважение к Аллаху, мною не прощается. Ты должен быть наказан. Наказанием тебе послужит ещё несколько дней работы. - Ризвон вяло качнул головой в сторону двери.

Самат не успел осмыслить услышанного, его просто вытолкнули из комнаты и сбросили в яму. Слезы текли по его грязным щекам, а сознание отказывалось понимать происходящее. Сейчас он уже ни ждал ничего хорошего от боевиков. Он начал кричать в истерике, за что его выволокли из ямы, и двумя ударами в живот заставили замолчать. Потом с привязанной к его ноге верёвкой, конец, которой не выпускал из рук один из боевиков, его бросили в угол комнаты, поставив перед ним ляган с макаронами, лепёшку и чайник чая - он был нужен боевикам работоспособный. За всё это время Самат прорыл шесть метров лаза. Для боевиков это был не плохой показатель работы. Боевики получили от жены Самата затребованную сумму, в долларах США. До захвата заложника, боевики не плохо изучили Самата, и первая затребованная сумма была лишь пробным шаром, запущенным только для того, чтобы убедиться в его финансовых возможностях. По плану Ризвона, Самат никогда не должен был выйти из этого дома – его смерть гарантировала безопасность группы. Утром четвёртого дня своего рабства, Самат неожиданно бросился на охранявшего его боевика, но его успокоили ударом в голову. Но он, придя в сознание, отказался спуститься в лаз. Его долго били, стараясь не забивать до смерти, потом бросили в яму, и несколько часов не трогали.

На следующее утро его опять ввели в комнату Ризвона, который именно в эти минуты не думал о добре, и милосердие, которое проповедовал Коран – час молитвы прошёл, а до новой молитвы ещё было время. Бандит равнодушно разглядывал Самата, удивляясь тому, как может измениться человек, если у него отнять всё, то к чему он привык.

-Сядь. Хочешь домой? Это, мой хороший, надо заслужить. Ты привык воровать, здесь тебе приходится работать. Мы тебя никогда не спрашивали, где ты брал деньги, и деньги немалые, об этом ты отчитаешься перед Аллахом. Но тебе придётся отдать деньги нам, ведь Аллаху они не нужны – ни здесь, ни там. Возьми ручку и пиши записку жене. Она должна отдать всё, понимаешь всё - деньги, золотые украшения. Всё без остатка. - Ризвон замолчал, ожидая протеста.

Но Самат был давно сломлен. Он написал всё, что от него потребовали, и его опять увели в комнату, но работать не заставили. Сидя на полу комнаты, и тупо глядя в чёрный

проём лаза, он не знал, что несколько минут назад написал своё последнее письмо жене, последнее в своей жизни.

Ещё несколько коммерсантов поочерёдно стали заложниками Ризвона. Боевики действовали по хорошо отлаженной схеме – похищение из дома, рытьё лаза, получение выкупа, убийство. Трупы закапывали ночью в саду рядом с домом. Последние метры рыли сами бандиты, чётко рассчитав место выхода. Путь на случай вынужденного бегства бандитов был готов.

В сводках правоохранительных органов информации о похищении таджикских бизнесменов не было. Другим, партнёрам, и родственникам, запуганные жёны заложников говорили, что их мужья выехали по срочным делам за пределы республики. И только жена одного из заложников, осознав, что похитители её обманывают, после того, как она отдала десять тысяч долларов, сообщила о происшедшем своему двоюродному брату, боевому генералу правительственной армии. Начался поиск, в который включились все силовые структуры. Ориентируясь в криминогенной обстановке Душанбе, и проанализировав доступную ему агентурную информацию МВД, Министерства безопасности и Генеральной прокуратуры Республики, генерал сделал вывод, что ни одна из существующих оппозиционных группировок или мародёрствующих банд, никого отношения к похищению родственника не имели. Этот случай стал достоянием республиканской прессы, робко пожурившей правоохранительные органы за бездействие. Но в течение месяца, эта новость, уже в виде молвы ходила по городу, обрастая выдуманными подробностями и деталями и в конце концов попала в семьи первых трёх заложников Ризвона. В правоохранительные органы почти одновременно поступили заявления убитых горем родственников. Началось следствие. По собранной информации, сделали вывод: в городе действует хорошо организованная, профессионально подготовленная бандитская группа, профилирующая на похищении богатых бизнесменов.

Файзи, как всегда один уходил в город, занимаясь закупкой продуктов. Выждав ещё, двое суток, Ризвон приказал двум боевикам добыть оружие. И опять бандиты начали выслеживать людей, но уже из числа военных. На четвёртые сутки, бандиты имели несколько единиц оружия.

Командование двести первой дивизии потеряло одного прапорщика, убитого при возвращении ночью домой со дня рождения невесты сослуживца. У убитого было похищено личное табельное оружие и две запасные обоймы с патронами. Ещё два пистолета, автомат Калашникова с полным боекомплектом, и два армейских бронезилета, взяли боевики на блок посту, расположенном на окраине города перерезав беспечно уснувших молоденьких милиционеров.

Этот случай так и прошёл бы в сводках МВД, как одна из списанных на политическую группировку, акций, если бы Ризвон не приказал своим боевикам оставить на разоружённом блок посту, небольшой лист бумаги с тремя словами « Я вернулся. Ризвон». Новость переполошила все силовые структуры республики. До этого случая многие были уверены, что Ризвон погиб, хотя были и те, кто не сомневался, что он жив, но скрывается в горах, за много десятков километров от столицы. Но как подтверждение его присутствия в течении нескольких месяцев в городе произошло ещё несколько дерзких террористических актов связанных с убийством военнослужащих и захватом их личного оружия. Убийства совершались в разное время ночи в разных частях города. На месте преступления не оставалось, ни каких следов, настолько профессионально действовали боевики, оставлявшие после себя только смерть.

Часть седьмая.

Бахром, содержащийся в следственном изоляторе о последних событиях в столице,

связанных с именем Ризвона, ничего не знал. Не знал, до того дня пока один из следователей впервые не спросил его, насколько велика вероятность прибытия Ризвона в Душанбе. Этот вопрос, навёл Бахрома на мысль, что брат уже в городе и это вселило в него надежду.

Следствие по его делу подходило к концу, и ему оставалось только ждать суда и его решения, в котором он не сомневался - смертный приговор. В ходе всех следственных допросов в начале показаний Бахром повторял одну и ту же фразу:

-Последняя проведённая им операция по захвату сотрудников ООН, и журналистов, впрочем, как и все ранние операции похищения иностранцев, проводились с целью обратить на себя внимание, мировой общественности, как на представителя Оппозиции, отчаявшегося найти общий язык с официальными властями республики. - после чего добавлял - Никто из заложников иностранцев не пострадал, и все были отпущены на свободу.

Это была слабая отговорка, так как следствие располагало множеством фактов, и об убийствах простых мирных граждан и элементарном мародёрстве боевиков Бахрома на территории Республики. Были десятки свидетелей, из числа чудом выживших жертв, которые узнавали его на очных ставках, и падали в обморок не в силах выдержать воспоминания страшных дней.

В ходе следствия Бахром постоянно требовал официальной встречи с представителями таджикского отделения миссии ООН, или любой другой международной организации. Дошло до того, что потеряв самообладание, он начал кричать, о своей полной невинности, представителям международного Красного креста, раздающих по камерам гуманитарную помощь. Его с трудом успокоили службы охраны следственного изолятора, пообещав ему при малейшем проявлении истерики успокаивать его по всем писанным и не писанным инструкциям. Сломленный морально, он уже не был похож на того надменного командира боевиков, чинно читающего молитву перед такими же, как и он, головорезами.

В один из дней, получив передачу из дома, он обнаружил в лепёшке, записку в которой сообщалось, что Ризвон находится в городе и делает всё для его освобождения. Эта записка едва не свела его с ума. В душе он радовался, узнав хоть, что-то о Ризвоне. Но затем последовал очередной припадок истерики, и он в голос кричал, требуя освободить его, называя себя военнопленным и бойцом Оппозиции. Его вновь успокоили. И когда он через два часа пришёл в себя, охрана пообещала поместить его в одиночную камеру и держать там до суда – в следственном изоляторе, право на нарушение тишины имели только петли на камерных дверях и молитвы срывающиеся в шёпote с сухих губ подследственных.

Но Бахром всё больше и больше терял контроль над собой из-за желания любой ценой сохранить жизнь, а после полученной им записки, его охватило ещё большее желание ускорить освобождение из этих серых стен. В одну из ночей он неожиданно накинулся на своего соседа по камере, упрекнувшего его за уклонение от ночной молитвы. Результатом драки была обещанная охранниками следственного изолятора одиночная камера. Он боялся этой камеры. Боялся за гнетущее, мрачное одиночество, от которого нельзя было спастись даже во сне. Одиночество давило на его сознание, спрессовывая все его мысли в страх перед собственной смертью, той которую он так щедро раздавал людям. Ведь убивая людей, или призывая своих боевиков умереть шахидами, он скрывал собственную любовь к земной жизни - ему всегда хотелось жить долго, и не важно с верой в Аллаха или без веры в Него. Но только в этих стенах он осознал, как хотели жить те, кого он убивал. И ещё - мёртвые нашёптали ему один и тот же вопрос: соизмерима ли жажда

власти одних людей, с правом на жизнь тех, кто не имел власти.

В одной из операций на Афганско-Таджикской границе, его боевики захватили в плен двоих таджикских пограничников. Пленные солдаты, совсем ещё мальчишки, ровесники большинства его боевиков, молили сохранить им жизнь. Но он никогда до этого не убивавший людей, сам расстрелял их, только из одного охватившего его желания распорядится, чужой судьбой, хотя боевикам сказал, что мстит за погибших соратников. Перед смертью, один из пограничников, успел крикнуть, что наступит день, когда Бахром вспомнит их. И ещё тот солдат кричал, что это воспоминание будет самым тяжёлым в его жизни, потому, что в душе палача никогда не бывает покоя, кем бы он себя ни считал – пророком, шахидом или простым человеком. Его пророчество сбылось: молитвы, не успокаивали и не освобождали сознание от страха. Молитвы, которые в тюрьмах во все времена поддерживали заключённых морально, Бахрому не приносили облегчения. Он перестал молиться, а то и вовсе громко кричал, проклиная Аллаха, совершенно забыв собственные циничные слова, которые говорил своим жертвам перед смертью:

-Вспомни, того, кто любит терпеливых. Вспомни Аллаха, и тебе стане легче.

Страх перед собственной смертью, душил Бахрома ежесекундно на яву, и во сне, единой цепью кошмара, от которого не было избавления.

На допросах Бахром старался держать себя в руках, понимая, что только сопротивление собственным эмоциям, даёт ему шанс не сойти с ума, и дожидаться дня, когда Ризвон вызовет его на свободу. На одном из допросов, слушая длинные, изворотливые рассуждения Бахрома, о современной исторической миссии таджиков, являющихся наследниками и проводниками идеи создания Азиатского Халифата, началом которого должно было послужить народно освободительное движение, следовательно не сдержался и высказал Бахрому свою точку зрения:

-Я скажу, то, что не должен говорить, являясь следователем, ведущим уголовное дело по предъявленным вам обвинениям. Считайте услышанное, не официальной точкой зрения ... ну скажем ... человека со стороны.

"На мой взгляд, вы, плохо разбираясь в догмах исламской религии, взялись от имени Аллаха, вершить судьбы людей, посягая на целостность нации и пропагандируя построение Исламского халифата в Азии. Самое страшное, что вы не одиноки в своей идеологической слепоте. Подобных вам слепцов, несчастных в своём невежестве и незнании собственной религии, и истории, сегодня сотни тысяч.

Вы опираетесь не на высказанные Кораном нормы человеческого бытия, а на толкования кучки ортодоксальных мракобесов, этих продажных служак политики, и торговцев оружием и наркотиками.

Я много раз перечитывал текст Корана, и нередко обращался за комментариями к разным знатокам священного текста. И вот, что я понял – истинный исламский Джихад, всегда настаивает на том, что убийство во имя религии, опасное заблуждение. Принцип джихада – борьба против тирании и гнёта, провозвестие свободы и справедливости, установление истинного и надёжного мира. Само слово «джихад» в буквальном смысле означает «усердие» и в духовном смысле знаменует постоянную борьбу против греха во всех его проявлениях. В Коране есть удивительные красивые слова, хотя, что в этой священной книге не удивляет красотой? – “Если две группы верующих вступают в сражение, между собой то примерите их. Если же одна из них вершит насилие по отношению к другой, то сражайтесь против той, которая несправедлива, пока она не признает веления Аллаха. Когда же она признает, то примирите их по справедливости и действуйте беспристрастно. Воистину, Аллаху угодны справедливые. Ведь верующие братья. Потому устанавливайте мир между братьями ...”

Лжецы выхватывают из разных сур Корана отдельные строки, смешивая их и достигнув сиюминутного эффекта, превращают простаков в малограмотных фанатиков, фанатиков в бандитов, прикармливаемых около религиозными рассуждениями и лживыми лозунгами, не имеющими, ни чего общего с истинным Исламом. И ещё... в развитие своего лицемерия вы и подобные вам, становитесь настолько изобретательными, и изворотливыми, что находите оправдание своим преступлениям в самих строках Корана, интерпретируя эти строки в удобном для вас смысле.

Со временем, большинство обманутых осознают, что их используют в чьих-то политических целях, но кровавое прошлое для человека необратимо, и это одно из самых страшных наказаний Аллаха. И тогда над вами начинает властвовать страх - незримый спутник, и частица жизни бандита. Вы, и молитесь только из страха за содеянное зло, в надежде на прощение Аллаха. Но вы испытываете страх и перед людьми, которые спрашивали вас в минуты творимых вами кровавых расправ:

-Как можно убивать человека, держа в руке Коран, и произнося имя Аллаха? Бахром, все ваши молитвы фальшивы и порочны, ведь в них вы всегда просите себе прощение, для сокрытия своих кровавых грехов, творимых на земле, якобы во имя Аллаха. Но... в ваших действиях нет Его благословения. Сегодня это понимают все.

Кто из вашего окружения, посвятил себя религии, обратившись к своей совести, только для того, чтобы понять смысл слов написанных в Коране? Кто из вас сменил жирную и богатую пищу, под крышей дворцов, на сухую корку хлеба и глоток простой воды, под небом, которое не отвлекает отшельника, готового только ради одного понимания истины Аллаха отказаться от мирских утех? Кто, из вас осознав хотя бы часть Истины, заложенной в Коране, вернулся в мир людей, для того, чтобы передать им частицу своего озарения? Нет среди вас этих людей и нет у вас этих имён, потому, что вы бандиты, навязывающие своё мнение с оружием в руке, и заливая строки Корана кровью таких же мусульман, как и вы.

С завершением ваших молитв, кончаются и ваши отношения с Аллахом. Возмездие в любой форме пугает вас, потому, что ваша фальшь очевидна Аллаху, который воздаст вам за каждую каплю несправедливо пролитой крови людей.

Я считаю себя мусульманином, и я не атеист, как может вам показаться. Я верю в Аллаха создателя, и мне нет разницы, разделяет мои представление русский или еврей, или представитель другой нации потому, что каждый человек имеет право на свой выбор имени Бога, и собственное понимание Его величия и мудрости. Аллах разделил род людской на разные народы, и они, по его замыслу рассеявшись по земле, должны прийти к одному пониманию Его сути. В этом основа любой религии и Ислама в том, числе. Но не это является лозунгом вашей кровавой бойни здесь, или в любой другой точке мира, где подобные вам хотят установить удобную для себя трактовку Ислама.

Ваше звание не моджахед, вы никак не тяните на это звание по своей духовности и религиозному образованию. Ваше звание бандит, или как принято говорить террорист, хотя этот термин, скорее дань уважения официальному языку Уголовного кодекса.

И никакими изначальными лозунгами, о народном движении или призывами к изменению государственного строя, вы не сумеете прикрыться от звания бандита. И знаете почему? Ни у вас, ни у ваших лидеров и идеологов нет, и не может быть программы доступной пониманию современного человека, так, только ссылки на Коран, с призывом соблюдения законов Шариата, в котором вы, скорее всего ничего не смыслите, тем самым, дискредитируя сам Ислам. Но даже этого вы не никогда не поймёте в своём кровавом невежестве, и... жажде властвовать над людьми. Для меня вы подследственный, и я не имею право на эмоции, но мне по человечески жалко мой народ, погрязший в лживом мракобесии подобных вам религиозных извращенцев".

Бахром, был поражён тем, что услышал. Всё соответствовало истине. Истине, которая в последнее время искрой вспыхивала во мраке, его собственного сознания освещая

необузданную человеческую жажду обладать властью над людьми.

Часть восьмая

В один из дней, в базарной толпе Файзи заметил Одила. С Ризвоном он расстался, когда его раненого, боевики оставили в приграничном с Таджикистаном афганском селении на попечение бедной семьи, щедро заплатив ей. О его дальнейшей судьбе боевики ничего не знали, а он, окрепнув после ранения, и не имея достоверной информации о Ризвоне, со многими трудностями, вернулся домой в Душанбе, где жили его родители и старшие сёстры, давно потерявшие надежду на возвращение сына. Он не стал рассказывать родителям, откуда пришёл и чем занимался последние три года, и они, понимая, что сын не просто так молчит, распространили среди соседей слух, что сын вернулся из России, где был на заработках. Его дядя, участковый милиционер, заплатив хорошие деньги, помог получить племяннику, новенький паспорт.

Одил молился пять раз в день, чем очень удивил своих домашних: в их доме к религии относились уважительно, но никто никогда не молился. Поведение молодого парня не осталось незамеченным, и для его семидесятилетнего деда, приехавшего из Ходжента, но после двух часовой беседы с внуком, он попросил сына и невестку поменьше расспрашивать Одила о прошедших трёх годах. Через несколько дней отдыха родители устроили сына по его же просьбе на работу в небольшую типографию, расположенную недалеко от дома.

В тот день Файзи не сразу подошёл к Одилу. Наблюдая за ним издали, и только пройдя два квартала, он решился его негромко окликнуть. Одил сразу узнал Файзи. Они осторожно поприветствовали друг друга, потом, сели на скамейку, и Одил не спеша, стал рассказывать, о том, как жил, начав с того дня как его оставили раненого в Афганском селении. Закончив свой рассказ он вопросительно посмотрел на Файзи, который не решился с первой неожиданной, встречи, говорить о том, что Ризвон в Душанбе. Но Одил зная, что Файзи был доверенным человеком командира, и не сомневался, что Ризвон жив и сейчас находится в городе.

После дневной встречи с Файзи, Одил не спал всю ночь, вспоминая дни проведённые в отряде Ризвона, да и не только эти дни. Во время зимних школьных каникул он, пятнадцатилетний мальчишка гостил у своей тётки в приграничном с Афганистаном таджикском селении. В одну из зимних ночей, он с толпой беженцев сельчан, спасаясь от напавших на селение вооружённых бандитов, пересёк в брод приграничную реку. В ту ночь и его тётка. Семьи у неё не было, а он, плохо понимая происходящее, полностью доверился инстинкту взрослых людей спасающих себя и свои семьи на чужой земле. Потом был лагерь таджикских беженцев, беспризорное скитание по чужим палаткам, голод и болезни. Он мечтал вернуться домой, но как? Никому не было дела до одинокого мальчишки вечно голодного и оборванного. Сами взрослые были в полной растерянности от происшедшей с ними трагедии и понимания, что сегодня они не нужны, государству, которое в течение десятилетий называла их своими сыновьями и дочерями. Они не были нужны и правительству Афганистана, и без них запутавшемся в клубке противоречий и споров собственного много этнического народа, находящегося во власти разномастных, религиозных течений, пытавшихся всё решить властью оружия, и денег.

Однажды, нищенствуя на базаре небольшого афганского городка, Одил заметил группу мужчин одетых в добротную военную полевую форму, американского образца. Они хором уговаривали, какого-то молодого парня пойти с ними, обещая, накормить, дать одежду и отправить в Душанбе. Парень смеялся и отказывался от предложения, утверждая, что он местный афганец, а не таджик и ему нечего делать в Душанбе, его родина Афганистан.

Одил подошёл к мужчинам и спросил, правда ли то, что они говорят, и услышав утвердительный ответ, попросил помочь ему добраться до Душанбе. Его посадили в крытый кузов грузовика и через четыре часа привезли в Кабул. В машине кроме него было ещё трое незнакомых ребят, по возрасту чуть старше него. В дороге все молчали, каждый был занят своими не детскими мыслями, совершенно не интересуясь, кто сидит рядом.

Их вселили в большой добротный дом. После бани каждому юноше выдали свежее бельё, комплект спортивной одежды. Но больше всего Одила поразила отдельная небольшая комната, куда его поместили на ночь. Он с трудом верил, что подобное могло вернуться в его жизнь, надеясь, что это чудо не растает с утренним рассветом.

Ночью в комнату вошли двое незнакомых мужчин. Он сопротивлялся, плача от бессилия, но силы были не равными. Получив сильный удар в голову, Одил потерял сознание. Придя в себя, он понял, что его насилует один из двоих мужчин. Второй мужчина фотографировал эту дикую сцену. Слёзы и мольба Одила не помогли. Позже оставшись один в комнате, он проплакал до утра, так и не уснув.

Утром четверых мальчишек собрали в большом спортивном зале, где они долго сидели молча, с опущенными в пол глазами, полными слёз, не произнося ни слова. В зал вошёл незнакомый мужчина, одетый в полевую форму офицера пакистанской армии, и сказал им, что их повезут в горы, где они будут учиться в специальной школе по подготовке моджахедов. Он долго рассказывал им о Джихаде, о том, что быть моджахедом, почётно для мусульманина и не каждому дано такое счастье.

-Конечно, если кто-то пожелает вернуться в Таджикистан, они помогут, но в Душанбинских газетах будут опубликованы статьи о мужской проституции в Афганистане, с приложением фотографий ночных сцен. - офицер выразительно помахал фотографиями, на которых ребята без труда узнали себя. Выхода не было.

Шесть месяцев изнурительной подготовки в террористической школе на территории Пакистана. Одил жил одурманенный постоянным внушением инструкторов, что война с неверными священный долг и обязанность каждого мусульманина. После года учёбы его тайно привезли в Кабульский штаб ... Ризвона Сидирова, того самого человека, которого он наивно попросил помочь вернуться в Душанбе.

Он знал, что досье, заведённое на него в школе, было передано Ризвону, и это угнетало Одилу, хотя ни в школе, ни в отряде Ризвона, никто, ни разу не упомянул о ночном происшествии. Он провёл в отряде Ризвона два с половиной года, сделав для себя вывод - то чем занималась группа Ризвона на территории Таджикистана, можно было назвать только бандитизмом, но никак ни Джихадом. А он в свои семнадцать лет, не имея мужества вырваться из круговорота кровавых событий, обрастал новыми преступлениями. Пять раз в день, читая молитвы, он обещал Аллаху быть добрым, справедливым и благодетельным, страшась только одного вопроса – когда? В те дни действительность заглушалась словами молитвы. Но поможет ли молитва ему сегодня? Он спрашивал себя, как отнестись к встрече с Файзи? Отвергнуть всё, что он может предложить, и жить дома в кругу родных ему людей, забыв прошлое? Но дадут ли ему забыть прошлое, те, с кем он убивал, и те ..., кого он убивал? Сказать Файзи, что он не хочет жить прежней жизнью? Но он не знает где его папка с послужным списком, из

кабульской канцелярии Ризвона.

Бежать! Бежать от всего этого. Но куда? В Россию? На это нет денег, да и родители не переживут, новой разлуки с вновь обретённым сыном.

В ту ночь так ничего, и не решив для себя, он уснул положившись на судьбу. Одил встретился с Файзи в назначенный день. Они шли по той же тихой улочке, и теперь уже Файзи рассказывал Одилу, как он воевал, всё то время пока Одил отсутствовал. Имя Ризвона, Файзи не произносил, но как-то само собой в его рассказе подразумевалось, что командир жив, здоров и находится где-то рядом.

Ризвон не хотел напоминать Одилу о его досье, которое он получил от представителей пакистанских спецслужб в Афганистане. Досье, и сегодня, как и многие другие документы, хранились в тайнике недалеко от приграничного афганского селения. Узнав от Файзи, о том, что Одил работает в типографии, он решил поручить парню, за деньги отпечатать листовки с призывом к душанбинцам, подняться на Джихад. Шаг был рискованный, но осторожность требовала проверки Одила через конкретное дело.

Одил не удивился, что Файзи обратился к нему с просьбой, но не ожидал, что она будет столь незначительной. Более того, удивился, что ему предлагают за эту работу деньги. Помолчав немного, он согласился с предложением, решив для себя - отпечатав листовки и получив деньги, он купит новый паспорт, и под чужой фамилией уедет из Душанбе в самую отдалённую область республики, где его никто не знает, а уже оттуда сообщит о себе родителям. Только так можно было уйти от своего прошлого, и Ризвона, словно призрак восставшего из него.

Файзи на следующий день вручил ему текст, и уже через десять дней, листовки были готовы. Как он организовал печать листовок, не обсуждалось - сделал и всё. Но Файзи за работу не расплатился, сославшись на временные трудности. Не взял он и листовки, оставив их на хранение Одилу до следующей встречи. Но на следующей встрече Файзи неожиданно предложил Одилу, вместе с ним расклеить листовки в разных концах города, пообещав за это доплатить денег к обещанной сумме. Одил, согласился, понимая, что в данной ситуации у него нет другого выхода, да и лишние деньги могли ускорить его отъезд из города. Он шёл на это, не предполагая, что его проверяют.

Ночью, когда Файзи, и Одил расклеили уже с десяток листовок, их неожиданно окликнул милицейский патруль. Можно было убежать, о том, что их кто-то начал бы преследовать не могло быть и речи, милиция была рада тому, что на их окрик не раздались выстрелы. Но Файзи откликнулся, на окрик, и спросил, не найдётся ли у милиционеров спичек. Он попросил удивлённого Одила не бросать его, и они вдвоём направились в сторону патруля. За два метра от милиционеров, Файзи неожиданно вложил в руку Одила пистолет, и так же неожиданно начал стрелять из оказавшегося у него второго пистолета.

Файзи застрелил двоих милиционеров, третий пытался отстреливаться, но после выстрела Одил рухнул на землю. Они долго бежали по тёмным улицам города. Погони не было. Одил проклинал себя, за то, что согласился участвовать в ночной вылазке. Одно дело отпечатать и расклеить в городе листовки, другое напасть на милицейский патруль и убить сотрудников милиции.

Ризвон был доволен проведённой ночью операцией. В новостях местного телевидения, прошла информация о ночном убийстве в Душанбе, трёх патрульных милиционеров. С этого дня Одил можно было считать вернувшимся в строй. Подготовленные, и проверенные кровью людей, боевики ему были нужны.

Все последующие дни город был взбудоражен листовками с текстом, призывающим к Джихаду. Поползли слухи о том, что Ризвон, может взять под свой контроль Душанбе, а

официальные власти бессильны, что-либо предпринять. Оперативники всех силовых структур республики были подняты на ноги. И без того сложная криминогенная обстановка в столице усиливалась тем, что многие преступные элементы стали оставлять на местах своих преступлений, записки антиправительственного содержания, с подписью ... «Ризвон», не сознавая, что создают нужную ему репутацию, «неистребимого и всесильного».

Часть девятая

Она прощалась с родителями, и друзьями. Прощалась, словно уезжала из города на несколько недель. И близкие ей люди, зная её, поддерживали эту игру, пряча за ней, грусть разлуки.

Назначение в Таджикское представительство Международной гуманитарной организации, далось ей не просто. Было несколько кандидатур, но ей удалось убедить координационный центр, что именно она должна ехать в Таджикистан. Муж ехал с ней, и это было естественно для них обоих. Общие интересы, сблизили их, хотя многим, порой казалось, что их брак держится не на любви. Но так казалось только не посвящённым.

После многочасового утомительного перелёта, и двумя пересадками их встретило ласкающее солнце, и казалось, что всё страшное, что им рассказывали в Париже, об этой республике пустой миф. Днём в городе не стреляли, но нередко среди прохожих встречались мужчины в гражданской одежде с пистолетами в кобуре или автоматами, небрежно висящими на плече. Мужчины таджики, не улыбочивые, с напряжённо сдвинутыми к переносице густыми бровями, производили впечатление людей готовых в любую минуту взорваться от неправильно понятого ими слова. Женщины, отличались какой-то особенной восточной красотой и миловидностью, ходили с непокрытой головой, чаще в европейской одежде, но на их лицах тенью лежала не усталость от ежедневных забот, а страх за своих родных.

Она стала исполнять свои непростые обязанности: недолгие совещания в головном офисе представительства, беседы с коллегами, работа с документами, анализ отчётов, составление планов и обязательные официальные визиты в государственные и правительственные организации. Но самыми трудными были встречи с простыми людьми, теми ради которых она работала, отдавая себя без остатка.

В один из вечеров вымотанная и уставшая от новизны обстановки и массы новой информации, она с мужем возвращалась домой. Редкие фонари, как роскошь ночного Душанбе, слабо освещали улицы. Остановив машину за несколько метров от дома, муж пошёл открывать ворота. Неожиданно к мужу подошли двое молодых таджиков. Она не придавала этому большого значения: слишком мало она жила в Душанбе и чувство страха перед незнакомыми людьми было ей не знакомо. Через мгновение она почувствовала, что на улице происходит, что - то не ладное. Муж в сопровождении незнакомцев идущих у него за спиной, подошёл к машине, и негромко произнёс, обращаясь к ней через открытое окно:

-У нас проблемы, мы заложники. Надо делать всё, что нам скажут. И ради бога... молчи.

В машине её оставили сидеть рядом мужем. Двое молодых таджиков сидели сзади и о чём-то говорили на русском языке мужу, делая это так спокойно, словно они были его хорошими знакомыми. А муж напряжённо вёл машину, не превышая скорости, и не нарушая дорожных знаков, останавливаясь на перекрёстках на красный свет светофора, сворачивая то на одну, то на другую улицу города. Чувствовалось, что террористы едут по хорошо выверенному ими маршруту, избегая милицейских блок постов. Она кожей чувствовала холодное дуло пистолета, уткнувшееся ей в шею. Неожиданно она пожалела, что не знает русского языка, в отличие от мужа, владеющего им свободно, благодаря

многолетним занятиям. Но кто мог предположить, что знания языка понадобятся ему для объяснения с террористами.

Они въехали в микрорайон с одинаковыми похожими друг на друга четырёхэтажными многоквартирными домами, у одного из которых мужу приказали остановиться в метрах шести, от тёмного, неосвещённого подъезда. Один из бандитов, не повышая голоса, что-то сказал мужу, а он не поворачивая головы, молча кивал головой, давая знать говорившему, что понимает его. Всё происходящее казалось дурным сном, или плохо разыгранной шуткой, но упёршийся в шею ствол оружия, постоянно напоминал ей, о том, что всё это реальность.

На лестничных площадках было темно и тихо. Казалось, дом вымер: из-за дверей квартир не доносилось ни звука. Они молча шли цепочкой до четвёртого этажа: идущий первым мужчина освещал ступеньки карманным фонариком. На четвёртом этаже один из боевиков открыл дверь квартиры, за которой стоял мужчина таджик лет сорока, и молодой парень с пистолетом за поясом.

В квартире, было две смежные комнаты, в одну из которых отвели заложников, и предложили им сесть на ковёр, укрывавший весь пол комнаты. Единственным украшением комнаты были продолговатые подушки, разложенные вокруг небольшого деревянного столика на коротких ножках. Единственное окно скрывала портьера из плотной ткани. Муж выслушал всё, что сказал ему сорокалетний таджик, к которому трое молодых боевиков, относились как к командиру и называли Саидшо.

-Вы оба будете находиться здесь, с нами. За малейшую попытку к бегству мы будем стрелять. Мы знаем, что вы муж и жена. Мы знаем, кто вы, и где работаете. Нам от вас надо одно - ваша жизнь в обмен на нашего человека, который арестован. Питаться вы будете, тем же, чем питаемся мы сами. В туалет естественно по одному. Связывать вас не будут, надеюсь, вы разумные люди. Но знайте, ваши жизни в наших руках. Если погибнем мы, то и вы не останетесь живыми. Всё, что вам понадобится, вы попросите у моих людей. Сейчас напишите на русском языке небольшую записку, в которой укажите - что вы живы. Добавьте, что вы заложники, а то могут подумать, что вы отдыхаете на даче. — произнес последние слова он улыбнулся, и уже на таджикском языке дал распоряжение одному из боевиков, после чего на столе появился небольшой чайник с чаем, чашки и лепёшки.

Когда они остались одни в комнате, женщина, тесно прижавшись к плечу мужа, спросила:

-Скажи мне насколько серьёзно наше положение. И как долго это протянется?

-Они не предъявляют лично нам, каких либо требований, мы только заложники. К чьей политической группировке они относятся, я не знаю. О политике они ничего не говорят. Говорят, что бы мы сидели спокойно, и не шумели, иначе застрелят. Нам надо ждать, обмена на их человека, арестованного властями. Я надеюсь, скоро всё прояснится, и ещё — наверное, наша домохозяйка сообщит в миссию, о нашем отсутствии и нас начнут искать.

Она понимала, что муж успокаивает её, понимая и то, что у них не было выбора. Оставалось терпеливо ждать. Они не будут сопротивляться или предпринимать каких либо действий, усвоив однажды много лет назад, правило из «Инструкции по выживанию в экстремальной ситуации», если у тебя нет специальной подготовки по борьбе с террористами, предоставив свою судьбу тем, кто занимается профессионально освобождением заложников.

Сна не было, и она, сидя рядом со спящим мужем, украдкой разглядывала молодого боевика сидящего напротив неё, пытаясь понять внутренний мир человека

противопоставившего себя обществу. Ей даже хотелось заговорить с ним, но понимание того, что любая её попытка будет пресечена, скорее всего, окриком, останавливала её.

Простой исполнитель, один из полутора миллиардов современных мусульман. Глядя на боевика, она вспомнила статью об Исламе, в которой говорилось о религии Ислама, как производной Иудаизма и Христианства. Статью она читала страшно давно, будучи ещё студенткой Университета. Но ещё тогда у неё возник вопрос, почему самая молодая мировая религия, не скрывающая признания большинства принципов и взглядов буддийской, иудейской и христианской религий, в современном мире стала самым значительным, и чаще окрашенным кровью людей, инструментом в руках большинства Азиатских политиков стремящихся к власти.

На рассвете её и мужа по одному отвели в ванную комнату, после чего им подали чайник чая, лепёшку, и горстку кишмиша. Она сидела рядом с мужем, плохо понимая то, что он ей говорил, а он старался отвлечь её от невесёлых мыслей, подшучивая над их непривычным утреним меню, и вспоминая забавные истории, которые с ними происходили в Парижских кафе и ресторанах.

Ризвон не перебивая, слушал рассказ Файзи о ночном захвате французских граждан. Захват прошёл спокойно и без лишнего шума. В любом случае поиск пропавших людей уже начался, ведь отсутствие в течение ночи двух иностранцев, да ещё сотрудников иностранного представительства должно было переполошить всех. Скоро начнётся самая трудная часть операции: объявление условий обмена Бахрома на иностранцев. Ризвон прочитал записку, написанную ночью заложниками, добавив к ней свою записку, в которой он сообщал, о том, что двое сотрудников международного представительства, захвачены группой Ризвона с целью их обмена на Бахрома. На конверте, большими буквами, Ризвон написал «от Ризвона Содирова».

К трём часам того же дня, конверт, с вложенными в него двумя записками, попал в экстренно созданный оперативный штаб, состоящий из первых лиц силовых и правоохранительных структур, координирующих оперативную работу по поиску заложников. То, что тексты были подлинными, подтвердили почерковеды криминалисты. Про условия обмена заложников на Бахрома в тексте ничего не оговорились. Это могло означать только одно - Ризвон будет скрывать заложников и сообщать о своих действиях властям самым непредсказуемым образом. В любом случае полученная записка стала для оперативников, первой информацией, несмотря на то, что уже много часов была задействована вся агентурная сеть, и усилен контроль, за всеми машинами, выезжающими из столицы. Кроме этого, уже несколько часов велось усиленное прочёсывание подвалов и чердаков домов города, а в кабинетах следователей проводился опрос десятков людей, так или иначе входивших в контакт, с пропавшими иностранцами.

Одил не знал о проведённой боевиками ночной операции похищения иностранцев. Он встретился с Файзи в назначенном месте, по предварительной договорённости.

-Это обещанные деньги - Файзи незаметно передал ему свёрток с деньгами, и немного помолчав, прошептал – тебе привет от Саидшо. А это адрес, по которому ты его завтра днём найдёшь. Соблюдай все меры предосторожности. Нам предстоит участие в очень крупной операции.

Они расстались не попрощавшись. Одил шёл по улице, не замечая дороги. Его надежда на то, что он соберёт деньги, и уедет из Душанбе, рушилась. Денег оказалось слишком мало. Брать деньги у родителей ему не позволяла совесть. Надеяться на то, что планируемая операция с участием Одила не повлечёт ареста, было глупо: одно дело воевать в горах, другое проводить операцию в столичном городе. Он лихорадочно искал варианты отказа от предложения Файзи, понимая, что просто так из состава боевой группы ему не выйти. Но и оставаться заложником своего прошлого он уже не мог.

Только утром он принял окончательное решение, казавшееся ему единственно верным - надо идти к властям и всё рассказать, а там будь, что будет. В любом случае после чистосердечного признания, стрелять и убивать в людей ему уже не придётся.

Утром он стоял у окошка «Приёма граждан» в здании Министерства государственной безопасности Республики. Едва он произнёс имя и фамилию Ризвона Содирова, как офицер сразу впустил его в помещение дежурной комнаты, и стал лихорадочно крутить диск внутреннего телефона...

Одил сидел в кабинете, и рассказывал седоволосому мужчине всё, начиная с того дня, как он школьником приехал в селение к своей тёте. Не скрыл он и того, что недавно отпечатал листовки с текстом Ризвона, а потом расклеивал их ночью по улицам города, и стрелял в милиционера. В конце рассказа на стол легла пачка денег полученных от Файзи. Он говорил, и ему казалось, что он освобождается от груза, который долгое время держал на сердце, и полковник, понимая его состояние, слушал не перебивая. Полковник ничего не записывал, зная, что благодаря скрытым микрофонам установленным в его кабинете, оперативная группа с первой минуты исповеди боевика, ведёт кропотливый анализ полученной информации.

В том месте рассказа, где Одил сказал, что сегодня днём, через четыре часа, Файзи передаст ему адрес, по которому он должен встретиться с Саидшо, полковник попросил уточнить время и место встречи, после чего попросил юношу продолжать рассказывать. Часом позже, Одил в сопровождении полковника входил в огромный кабинет, в центре которого стоял массивный стол, за которым сидел генерал.

-Ты правильно решил, что сам пришёл к нам, – произнёс генерал, исподлобья глядя на Одила - Мы не будем тебя арестовывать. Но при всём этом ты должен знать, что на улице нашими сотрудниками за тобой будет вестись постоянное наблюдение. Наши люди сами подойдут к тебе в нужную минуту. Твоя задача вести себя так, как будто у тебя не было никаких контактов с нами. Встретишься с Саидшо, и соглашайся со всем тем, что он тебе предложит. Тебе незачем знать о наших планах, это наша работа, но с этой минуты ты становишься одним из звеньев проводимой нами операции. Не скрою мы рискуем отпуская тебя, но этот риск оправдан тем, что у тебя есть шанс доказать нам, что ты раскаиваешься во всём совершённом до встречи с нами.

Одил шёл домой, обдумывая каждое слово сказанное ему генералом. Он, не боялся сделанного им выбора разом отделившего его от прошлого. Теперь он мог отвечать только перед законом, оставив себе единственный шанс на нормальную жизнь, и самое главное, больше не заливая веру в Аллаха кровью людей. Он не пытался распознать в толпе прохожих сотрудников службы безопасности, запретив себе думать о них - эти мысли могли расслабить его, а это было именно то, что сегодня он не мог себе позволить.

В назначенное время он постучал в дверь нужной ему квартиры. В небольшой гостиной у окна стоял Саидшо. Они никогда не были близки как товарищи, но, глядя на их взаимные приветствия, сторонний наблюдатель мог подумать, что их связывает крепкая дружба. Саидшо спокойно смотрел на Одила, не сомневаясь в нём. Но совсем другие чувства испытывал Одил, задав самому себе вопрос: правильно ли он поступил обратившись в органы безопасности. И в который уже раз ответил – да, правильно!

Саидшо рассказал о захваченных иностранцах. Потом поручил Одилу сегодня же купить фотоаппарат, зарядить его плёнкой и вернуться в квартиру вечером.

Чуть позже Одил шёл по улице, не сомневаясь, что за ним наблюдают оперативники. Но подойдут ли они к нему сейчас, или придут к дому вечером? Нужно немедленно сообщить о том, что в руках боевиков находятся заложники. Неожиданно с ним поравнялся

незнакомый мужчина, и знаком предложил следовать за ним. Они вошли в небольшой магазин, пересекли полупустой торговый зал и скрылись за дверью директорского кабинета.

Одил рассказал оперативнику обо всём, что увидел и, что услышал в квартире Саидшо.

-Через полчаса придёшь на оптовый базар, и получишь от нашего сотрудника фотоаппарат. Он сам подойдёт к тебе. Аппарат будет заряжен плёнкой. Сделаешь вечером фотосъёмку в квартире, плёнку проявишь утром в фотоателье, которое мы тебе укажем. Выполняй все приказы Саидшо, и Файзи. Ни о чём не волнуйся, квартира уже под нашим контролем.

Одил фотографировал мужчину и женщину. Они не проявляли никого беспокойства, лишь мужчина, что-то сказал женщине, и она улыбнулась. Всё заняло минут двадцать. Готовые снимки по приказу Саидшо, Одил должен был отдать Файзи в полдень следующего дня.

Ночью руководители операции по освобождению заложников, разрабатывали план дальнейших действий. Необходимо было решить два вопроса: как, и когда начать захват группы Саидшо и стоит ли вообще проводить операцию захвата группы, без обнаружения места пребывания Ризвона Содирова. Окончательно было решено: оперативники ждут дальнейших действий террористов. Исходили из того, что если им понадобились фотографии заложников, значит Ризвон Содиров, хочет представить властям документальное свидетельство их захвата, и ускорить обмен.

Но обо всём этом Одил не знал. Утром он отдал фотоаппарат в фотоателье, потом забрал готовые снимки и в полдень передал их Файзи, который ни о чём не расспрашивая, ушёл, бросив на ходу, что сам найдёт Одилу. Возвращаясь вечером с работы, домой, Одил услышал за своей спиной шаги. Подошедший к нему оперативник, тихо попросил с завтрашнего дня не покидать дома.

Ризвон, понимал, что просто так Бахрому на заложников не обменяют. Начнутся долгие переговоры, и одновременно будет готовиться вариант вооружённого захвата боевиков. Это было закономерно. С другой стороны, идти на крайние меры вроде отрезанных пальцев или ушей заложников, посланных в коробке силовикам, с требованием ускорить освобождение Бахрому, Ризвон не хотел, но не из жалости к ним. Фотографии, которые лягут на стол оперативников и генералов, должны послужить доказательством его гуманного отношения к заложникам. Потом эти снимки попадут в СМИ, и ни у кого не будет повода обвинять его в издевательствах над иностранцами.

С первого дня он приказал Саидшо обращаться с заложниками, так как будто бы они были самыми дорогими гостями боевиков. Этот приказ Ризвона выполнялся, несмотря на то, что Саидшо ненавидел всех иностранцев и различные международные гуманитарные организации. Ризвон знал, что такое отношение присуще многим боевикам, да и сам он недолюбливал международные организации, за то, что они, помогая Республике, укрепляли авторитет действующего правительства среди народа. Но он понимал и то, что без иностранной гуманитарной помощи, многие люди просто погибли бы от голода или болезней. Всё это было не просто, и он старался не думать об этом именно сейчас. В конце концов, это священная война в которой победы должны исчисляться количеством человеческих жизней принадлежащих Аллаху.

Днём, уложенные в конверт фотографии заложников, были брошены в ящик «для писем и жалоб граждан» Министерства Безопасности республики. В приложении к фотографиям заложников была и записка, как и в первый раз написанная самим Ризвоном: - «Скоро обмен»

Часть десятая

Ничего нового оперативникам полученные от Ризвона фотографии, не добавили, лишь ускорили принятие решения немедленно войти в контакт с бандитами и начать переговоры по освобождению заложников. Переговоры должен был вести один из полковников министерства. Уже через тридцать минут, с максимальной осторожностью началась эвакуация жильцов подъезда, в котором находилась квартира с заложниками, и захватившими их боевиками. Пять человек из группы спецназа разместились на лестничной площадке рядом с входной дверью квартиры. Прямо с лестничной площадки, полковник по громкоговорителю произнёс.

-Ведите себя спокойно. Мы знаем, что у вас в квартире заложники. Не стреляйте и назовите ваши условия - полковник старался говорить спокойно.

Голос, прозвучавший за дверью, стал полной неожиданностью для боевиков. Саидшо, лихорадочно думал, что предпринять. Он старался не позволять себе думать о том, как спецназу удалось узнать о квартире. Сейчас было не до этого. Он много раз принимал участие в операциях похищения людей и в Афганистане и в Таджикистане, но в подобной ситуации, никогда не был.

Саидшо жестами руки рассредоточил боевиков по квартире таким образом, чтобы держать под прицелом коридор, и входную дверь. За окна он не беспокоился. Проникновения с крыши можно было не бояться: местный спецназ не практиковал подобные методы. Более того, по своей практике он был уверен, что спецназ не начнёт атаку - не станут они рисковать жизнью иностранцев.

-Нам нужен, Бахром Содиров. Обмен будет происходить в одном из пунктов на реке Пяндж на Афганско-Таджикской границе. Дайте машину, чтобы мы туда доехали. Выполните наши условия, и заложники останутся в живых, если нет, то они погибнут вместе с нами во имя Аллаха. – Саидшо старался говорить спокойно, но полковник, стоящий за дверью, чувствовал, что боевик очень взволнован.

В оперативном штабе шёл кропотливый анализ всей информации, итогом, которого было единогласное решение, согласованное с первыми лицами Республики - выдача террористам, Бахрому Содирову в обмен на двух заложников. Главная цель обмена, «освобождение иностранных граждан с максимальным обеспечением безопасности их жизни и здоровья». Гарантом этой безопасности перед лицом международной общественности являлся Президент Республики, а захват террористов мог рассматриваться только как возможная удача, основанная на совершённых ошибках со стороны самих террористов.

После последнего февральского освобождения сотрудников ООН, и группы журналистов, и только после проведённого весной 1997 года ареста Бахрому Содирову, первые лица Республики заверили международную общественность, о принятии всех мер по недопущению повторения актов терроризма на территории Таджикистана. Авторитет Президента Республики, раскаченный его противниками на международном политическом пространстве, тогда был спасён. Тогда в феврале удалось спасти заложников, а то, что один самых одиозных фигур Оппозиции, Ризвон Содиров, чудом не был уничтожен, средства массовой информации не стали широко освещать, посчитав это временной неудачей таджикских силовиков.

Неожиданно, полковник был вызван с места проведения операции, в кабинет к своему непосредственному начальнику. Генерал встретил его на пороге кабинета, и предложил несколько минут подышать свежим воздухом во внутреннем дворе министерства.

-Есть «мнение» о невозможности обмена Бахрома Содирова на иностранных заложников. Необходимо согласиться с любыми условиями, выдвинутыми террористами, какими бы сложными они не были. Но, выманив группу из квартиры, бандитов необходимо уничтожить выстрелами снайперов – произнес генерал.

Полковник не стал спрашивать о возможных последствиях исполнения этого устного приказа, не согласованного с оперативным штабом, который вёл и контролировал всю операцию и в подчинении которого он сейчас находился. Он так же не стал уточнять, о последствиях возможной гибели заложников, которая совершенно не исключалась, при условии, что террористы пойдут на самоуничтожение.

Генерал понимая двойственность ситуации, в которой оказывается полковник, добавил: -Эти «действия» согласованны, с несколькими официальными лицами, вне республики, заинтересованными во внутривнутриполитической стабильности Республики.

-Знает ли Президент об уничтожении террористов? – сухо спросил полковник, вкладывая в свой вопрос, определённый смысл.

-Официально нет, но не исключается, что он согласился бы с этим «мнением». Ни каких негативных последствий лично для вас не будет. – генерал положил руку на плечо полковника, - Содировы опасны, как никто другой из известных командиров таджикских боевиков. Но не столько опасен Бахром, сколько его брат Ризвон. И пока Бахром в наших руках, Ризвон из Душанбе не уйдёт. Нам надо ещё немного времени, чтобы обнаружить логова Ризвона, и ... Он представляет опасность для Таджикистана, но не как террорист, а как источник серьезной информации о многих лидерах оппозиции, и её зарубежных сторонниках. С большинством из них ему приходилось видеться и общаться в Афганистане, Пакистане и Иране, в тот период, когда он сам себя провозгласил «Командующим вооруженными силами таджикской оппозиции», а многие оппозиционеры считали его наиболее вероятной кандидатурой на роль «министра обороны в правительстве оппозиции». Нет никакой гарантии, что Ризвон, которого Оппозиция, отторгла, не запустит в средства массовой информации, известные ему факты, по их контактам с самыми крупными Исламскими центрами, которые субсидируют хорошо отлаженный механизм продвижения ортодоксального ислама по всему миру. Эта информация может принести очень много хлопот, тогда как между Оппозицией и правительством Рахмонова уже наметился положительный сдвиг в переговорах по существующим разногласиям будущей политической ориентации Таджикистана и начала внутринационального примирения. Сейчас это важно для всего Азиатского региона. В засаде будут находиться четверо снайперов. Их точки размещения уже подобраны, более того они уже на месте. Их выстрелы должны прозвучать одновременно, совпадая, секунда в секунду. Действовать они будут по моей радиокоманде. Уничтожение боевиков произойдёт в десяти метрах от подъезда дома. Машину подгонят и поставят в пятнадцати метрах от подъезда. Никто из солдат оцепления и милиции после выстрелов не должен подходить к трупам террористов, и при самом плохом исходе операции ... заложников.

-Саидшо, твои условия принимаются. Через несколько минут, к подъезду подъедет с микроавтобус, в котором вы поедете до места обмена. Машину вы увидите из окна квартиры. В микроавтобусе будет четыре канистры с бензином. До места обмена за вами будет следовать наша группа. – голос полковника был спокоен.

Саидшо смотрел на мужчину и женщину. Он не испытывал к ним не каких чувств, давно приучив себя не задумываться над судьбами людей. Ему достаточно того, что он знает во

имя чего, он может лишить жизни человека. Убивая, нельзя рассуждать, точно так же как нельзя рассуждать о Рае. Рассуждения война, приводят к жалости ведущей к слабости духа, а слабый дух не может быть стержнем в вере. Это была его собственная истина, с которой он готов был умереть с улыбкой на губах, ведь Аллах хочет видеть каждого уходящего из этого мира смеющимся и презирающим, всё существующее на этой земле.

Саидшо не сомневался в том, что оперативники согласятся с его условиями. Все предыдущие похищения иностранцев боевиками Ризвона, кончались принятием их условий. И если бы не глупость Бахрома ...

Хотя кто их знает, насколько они ценят именно этих иностранцев. Надо надеяться только на Аллаха. Он посмотрел на боевиков, каждый из которых занял отведённую ему позицию обороны квартиры. И тут же подумал о другом - что если власти нарушат условия обмена, и начнётся штурм или захват? Прорываться на улицу бесполезно, даже если мы вырвемся из дома, нас перестреляют на улице. В любой ситуации, заложники должны умереть на секунду раньше них. Он предупредил боевиков, что если начнётся штурм квартиры, им надо по команде использовать гранаты, собравшись в углу комнаты, там, где сейчас сидят заложники. Он не стал говорить, что это их священный долг, дающий им только одно право – право на смерть.

Прошло несколько минут и боевик, наблюдающий из окна за всем тем, что происходило во дворе дома, сообщил, что к подъезду подъехал небольшой автобус, из которого выскочил солдат и пригибаясь забежал за угол дома. Больше нигде не было видно ни одного человека, двор был пустым.

Саидшо проинструктировал троих боевиков, как надо двигаться к машине, не выпуская из своего кольца заложников. Говорил и знал, что они сами знают, как действовать в этой обстановке. Знал потому, что все эти действия Резвон много раз отрабатывал с боевиками на тренировках в Афганистане.

-Или мы доедем с заложниками до границы и обменяем их на Бахрома, или... все погибнем как шахиды. Действовать только по моей команде. И ещё: я не исключаю снайперов. Если они начнут стрелять у каждого из нас будет только доля секунды. При первом их выстреле, все используют гранаты. Постоянно читайте молитву. Я знаю - смерти вы не боитесь.

Саидшо подошёл к заложникам и сказал мужчине, что сейчас начнётся выход из квартиры, и ни дай Бог, им попытаться бежать. Он не стал говорить об условиях, по которым их должны обменять на Бахрома, и тем более, где будет происходить этот обмен. Пусть мучаются неизвестностью - страх парализует человека.

Полковник в бинокль разглядывал группу вышедшую из подъезда дома. Шесть человек, из которых четверо были террористами. Боевики шли медленно, озираясь по сторонам, готовые среагировать на любую неожиданность. Каждый из них в вытянутой вверх над головой руке держал по гранате. В кольце группы, с низко опущенными головами, мелкими шажками семенили мужчина и тесно прижавшаяся к нему женщина.

Группа шла медленно к машине. Во дворе стояла полная тишина, не слышно было даже шума машин с соседних улиц: все ближние дороги в целях безопасности были перекрыты. Саидшо не удивлялся этой тишине, объясняя всё тем, что оперативники, готовы исключить малейший срыв, который может повлечь самоуничтожение всей его группы, и смерть иностранцев.

Заложники, плотно сжатые телами террористов, понимали, что сейчас идёт, самая сложная фаза операции. Фаза, в которой всё держится на тонкой нити доверия. Мужчина, крепко прижав к себе хрупкое тело женщины, шёпотом успокаивал её. Но его шёпот ей

казался дыханием тяжелобольного человека, чья жизнь может оборваться в любое мгновение.

Женщине всё происходящее с ней казалось диким бесконечным сном. Она с огромным трудом сдерживала желание разметать вооружённых бандитов и вырваться из смертельного кольца, понимая, что малейшее неподчинение их воле повлечёт смерть. Пересохшими губами, она шептала слова мольбы Богу, о милосердие и прощения за все грехи, не задумываясь о том, что она их не совершала. Доли секунд ей казались годами, в которых смешалось всё - запах трав и цветов, бездонное небо, и лица людей, людей, людей – живых, тех которых она знала, и тех, кого никогда не видела в своей жизни, оказавшееся сейчас в зависимости от чужой злой и мрачной человеческой воли. Той воли, которая не имела земного права властвовать над ней без... Высшего соизволения. Её шёпот был слышен, боевикам. Но они не понимали того, что она шепчет, не зная языка её народа. Да и не хотели они её понимать, поглощенные собственной мольбой к Аллаху, умоляя Его о сохранение собственных жизней. На двух разных языках люди просили Высшую Совесть, Распорядителя и Судью, каждый о своём – одни о милосердии, и прощенье, другие сохранения жизни.

И вдруг, напряжённая тишина, в которой тихая молитва, казалась молящимся единственным в мире звучанием, была разорвана громом выстрелов снайперских винтовок. Из четырёх разных окон, расположенных на разных этажах стоящего напротив дома, четыре снайпера, держащие под оптическим прицелом четверых террористов, одновременно по единой команде полученной по радию от генерала, секунда в секунду нажали на спусковые крючки своих снайперских винтовок. Как не был готов полковник к этим выстрелам, но и для него они, прозвучавшие единой канонадой, были неожиданными, и уже через долю секунды в кольце террористов почти одновременно раздались взрывы гранат. Взрыв, которого ждал он, и генерал.

Полковник кричал в радию, что бы все командиры групп оцепления, и групп захвата оставались на местах, понимая, что для всех, кто находился в его подчинении, происшедшее оказалось полной неожиданностью. Он бежал к тому месту, где ещё несколько секунд назад двигалась группа террористов, и заложники, а теперь в облаке пыли и гари, на земле лежали разбросанные взрывом окровавленные тела. А за ним, из своих укрытий стали выбегать солдаты и офицеры, и уже через секунду все они не соблюдая субординации, стояли на месте взрыва. Все молчали, понимая, что произошло то что, не было запланировано, и только после команды полковника солдаты широким плотным кольцом окружили место взрыва.

Подбежавшие врачи стали осматривать окровавленные тела, констатируя смерть трёх бандитов, и оказывая первую помощь одному из оставшихся в живых террористов. В стороне вторая бригада врачей в присутствии полковника, осматривала раненного мужчину, принимая все меры для его спасения. Женщина ни в чьей земной помощи уже не нуждалась, получив всё от Него.

Часть одиннадцатая

Файзи ворвался в комнату и скороговоркой рассказал Ризвону о том, что четырёхэтажный жилой дом, в котором скрывался Саидшо, и трое боевиков, с заложниками, оцеплен солдатами. Что там происходит, ни кто из прохожих не знает. Расспрашивать офицеров и солдат из оцепления, он просто не рискнул – любопытствующий прохожий в этой ситуации мог бы обратить на себя внимание.

Выслушав боевика, Ризвон в ярости заметался по комнате:

-Операция провалена. Но как силовики выследили квартиру, в которую ходил только ты

и ...?

Ризвон подводил нерадостные для него итоги: с ним остался один Файзи, а четверо его боевиков и заложники погибли. Он не сожалел о гибели своих людей – уж лучше смерть, чем камера и допросы.

Неожиданно он почувствовал навалившуюся на него усталость, а потом боль, доселе ему не знакомую, рассекающую голову на две половины. Он растерянно посмотрел на Файзи. Потом перевёл взгляд на окно комнаты – деревья во дворе покачивались, словно прощались с этим миром. Всё видимое начало терять привычные краски, обретая светло-коричневые тона. Но самым странным для него, было то что, страдая от боли в висках, он начал растворяться в ней. Боль впитывала его в себя, и уже через мгновение не казалась такой нестерпимой, и постепенно совершенно исчезла, бросив его одного в удушливом мраке. Неожиданной волной нахлынуло осознание незримого присутствия Истины, из которой всплывали искажённые предсмертной мукой лица людей, шепчущие молитвы Аллаху. Он попытался повторять за ними их слова, те которые знал на память, и много лет произносил, сжимая в руках нож, которым безжалостно полосовал тех, кого считал врагами собственных убеждений. Но именно его слова растворялись на его устах, словно кто-то неведомый не давал ему права на их произношение...

Ризвон долго приходил в себя, от пережитого за эти несколько секунд, не замечая страха на лице Файзи, прикладывающего к его лбу холодный компресс. Ещё час он лежал в комнате, впав в забытие, и ему казалось, что он вновь и вновь проваливается в бездонный мрак...

В течение следующего дня, он не задал ни одного вопроса Файзи по поводу сорвавшейся акции с заложниками, и гибели боевиков. Он ничего не говорил и об их дальнейших действиях, а Файзи видя его состояние, не пытался заговорить на эту тему. Они постоянно молились, отвлекаясь только для того, чтобы принять пищу, и поспать два, три часа, и каждый из них понимал, что долго так продолжаться не может - надо было, что-то предпринимать. Но, что?

Файзи видел, как Ризвон, что-то писал в своём дневнике, всегда бережно хранимым от чужих глаз. Этот дневник много лет был его вечным спутником, и пожалуй самым доверительным собеседником, которому он доверял всё самое сокровенное, то чем не делился даже с Файзи.

Файзи зная об этом, никогда не обижался на командира, но сегодня был встревожен произнесённой Ризвоном фразой:

-Жаль, что ты никогда не читал этого дневника. Жаль.

На второй день, ни чего не сказав командиру, Файзи решил сходить на базар за продуктами. Сделав всего нескольких шагов по улице, и не успев воспользоваться пистолетом, спрятанным под курткой, он был скручен солдатами спецназа. Его не били и без лишней суматохи, растерянного от собственной беспомощности посадили в микроавтобус, где уже сидели два генерала.

-Мы знаем, что тебя зовут Файзи. За этим домом, мы ведём наблюдение уже несколько дней. Нам нужен Ризвон, живой ли мёртвый - безразлично. Мы не хотим проливать кровь своих солдат. Расскажи всё, что может помочь в проведении операции захвата: какое оружие есть в доме, какое расположение комнат, и что сейчас делает Ризвон? Твоя информация тебе зачтётся на суде. - генерал пристально смотрел в глаза парню, пытаясь понять, согласиться, ли он говорить, или начнёт геройствовать. – Своим молчанием ты ему уже не поможешь.

Прошло полчаса и, солдаты спецназа, минуя двор, осторожно подбирались к дому, а

Ризвон, случайно увидев, их из окна комнаты равнодушно наблюдал за происходящим, желая быстрой развязки. Он посмотрел с неожиданным для себя отвращением, на лежащие на связку гранат, и взяв только одну, сделал несколько шагов к серванту стоящему в углу комнаты и отодвинул его в сторону. Перед ним был вход в подземный лаз, и уже через мгновение он захлопнул над своей головой его деревянную крышку, слившуюся с основной частью пола. Сейчас он был в полной темноте, отделившей его от мира людей, с их горем и счастьем, слезами и смехом, ложью и правдой. Окутавшая его темнота пахла сырой землей, но не той дающей жизнь деревьям, цветам и травам, и прячущей в своих недрах родники, а той, из которой душа человека однажды, безропотно и не оглядываясь назад, устремляется к небесному судилищу.

Сверху послышался стук каблуков солдатских сапог и голоса. Солдаты, что-то возбуждённо говорили друг другу, и он понял, что они не могут понять, куда он исчез. Эти голоса вдруг слились в единый гул, и ему казалось, что он, заполняя земляной лаз, вытесняя собой воздух. Тяжело дыша, Ризвон медленно прополз несколько метров и лёг, на спину, глядя широко открытыми глазами в темноту. Неожиданно прямо над ним прогремели долгие автоматные очереди, но пули рассекая деревянный пол, не достигали его тела, укрытого толщей земли - даже это он воспринял с холодным равнодушием. Он вообще не испытывая ни каких чувств, кроме одного желания, произнести молитву, но именно это ему не удавалось - как и вчера, он не мог вспомнить ни одного слова, из всех тех, которое в течении многих лет произносил десятки тысяч раз. Но теперь слова тая в сознание, оставляя его один на один со страхом, подобным тому которое испытывает животное, только раз в жизни осознано чувствующее необратимое приближение собственной смерти.

Он слышал, как солдаты обнаружившие вход в лаз откинули деревянную крышку и сразу, его слух разорвал грохот взрыва гранаты, той самой, которую он взял с собой. Неожиданно до его ускользающего сознания донесся шум бурлящей воды, в отличие от него стремящейся вырваться, из под земли на свободу. Он не чувствовал и леденящего холода первой волны, окатывающий его изрытое осколками гранаты тело, и голову. Да и, что могло чувствовать тело, провожающее душу уносимую во мрак, к молчащей Истине, так и не подсказавшей ему слов земной молитвы, самой важной в жизни, и самой нужной в эти последние мгновения. Наверное, Истина устала слышать слова, слетающие с его губ, пожелав лишь одного - слышать их там, где все слова произносятся без тени лжи.

Часть двенадцатая

Предсмертные записи из дневника Ризвона.

Сегодня я не решусь назвать, то чем я занимался все эти годы – борьбой. Я вообще сомневаюсь вправе ли называть себя моджахедом - так предводитель вооруженных мародёров бродящих по областям республики в поисках денег, и удовольствия.

Я вижу перед собой “пустоту”, больше которой не могу сегодня иметь. И это говорю я, человек, мечтавший создать в центральной Азии, настоящую Исламскую армию. Мне по настоящему страшно от понимания происходящего, но признаться в этом я могу только самому себе - ведущий на смерть ради веры, не должен вызывать сомнений - иначе идущие следом, поймут, что их обманывают, призывая на смерть. Не удивительно, что я уже давно сомневаюсь в правильности своего понимания Джихада. Ведь, по сути, я убиваю мусульман, читающих молитвы и признающих Аллаха. И убиваю, только за то, что они не хотят, как я жить в Халифате. Так с кем я воюю, заставляя признать жизнь по заповедям Аллаха? Но вернуться к началу истинного пути я уже не могу - помня слова Корана: “Нет принуждения в религии”, я не знаю, будет ли Аллахом прощён мой

кровавый путь к халифату.

Я всё чаще вспоминаю странствующего муллу, с которым однажды познакомился в крошечной сельской мечети, не далеко от Кабула. Последние десять лет, он ходил по своей земле, читая людям молитвы, и как это ни странно притчи. И если его молитвы успокаивали уставшие души людей, то притчи заставляли их думать:

-Я верить хочу, что Творец одинокий, Господь милосердный, владыка стихий, Однажды мне скажет: «Тебе человек мой, под светом луны продиктую стихи. Тебе продиктую я новые Строки, чтоб вспомнили все, как Пророки Мои, Веками давали народам Уроки, сердца наполняя величиём Любви.

Когда - то я людям дал Книгу святую. Что сделали с ней толкователи Слов? Они обрели себе славу земную, слова, превратив в назидание из снов. Другие «джихадом» себя, прикрывая, погрязли в кровавых и грязных делах. Но Я же «джихадом» к усердию взываю, - оружие ваше лишь вера в сердцах.

Не дал я по Книге гнетущих законов, ведь нет принуждения в Слове моём, Ко мне подойдите без лживых поклонов, в Слова мои, веря и ночью и днём. Я вижу, как Мною народы пугают. Любви Я хочу - зачем мне их страх, От страха не любят, от страха теряют, доверие ко мне со слезами в глазах.

Часы вам назначил для беседы со Мною - молитву в раздумьях надо творить. Но многие в маске стоят предо Мною, под маской лукаво хотят согрешить. Зачем вы кричите, что сердцем устали? В грехах вы устали пред дверью Моей. Я в мире ином подведу всем итоги, дела ваши, взвесив в истечении дней.

Вы чистой водой омываете тело! Но чем вы омоее сердце своё? Слеза не поможет, ведь в ней много соли, слеза не бывает святою водой. Я мир ваш наполнил всем видимым вами, лишь людям дав разум, природу ценить. Но вы, забывая, что созданы Мною, царями природы желаете быть.

Вам хлеб дан с земли, как вечное благо, но благо теряет всю ценность у вас. Вы топчите хлеб, поднимая лишь золото, в извечной мечте обладать им хоть час. Вы делите землю? Она же не ваша, - вы гости мои лишь по воле моей. Для жизни на ней одно у вас право, жить в вере и братстве до скончания дней.

Я, в притчах своих намекаю о многом: творите добро как заслон перед злом! Но вы, словно мухи с жужжащим упорством, готовы увязнуть в болоте любом. В сомнениях вы о том, что бесспорно! В мучительном поиске: с кем же наш Бог? Дойдя до Меня, поймёте как долго, себе задавали не нужный вопрос.

Вам плохо? Зачем же кричите: «О, Боже» где ваше сомнение о воле моей? Не лучше ли вам в душевном достатке, держать равновесье отведённых вам дней. Добро или зло? Шаг влево, шаг вправо. В раздумьях стоите: куда вам пойти? Я вам не скажу, выбрать ваше право: вам совесть советник на вашем пути.

Старика муллу уважали за кроткий характер, аскетический образ жизни, понимание Корана, и подкупающе уважительное отношение ко всем, кто к нему обращался с вопросом или просьбой помочь. Он давно перестал считать врагами людей, не разделяющих его взглядов, упрекая не их, а себя за то, что не может объяснить им истин

заложенных в религии.

Давая разъяснения очередной суры Корана, старик осторожно подвёл меня к разговору о Джихаде и его идейной сути: - “В тебе я вижу только воина, взявшего на себя большую ответственность, назвавшись моджахедом. А, знаешь ли ты, что такое Джихад? Ты говоришь, что все твои действия согласованы с собственным порывом, служить Джихаду, но помнишь ли ты слова из священного Корана: “Для вас в возмездии – жизнь, обладающие разумом! Может быть, вы будете богобоязненны!” Задай себе вопрос, о каком разуме идёт речь?

Тебе ещё многому надо учиться в понимании Ислама, прежде чем ты сможешь называться истинным моджахедом. Ты идёшь по дороге, произнося слово “Джихад”. Но он поддерживает твой дух одним звучанием слова, и не даёт сердцу чистого и истинного понимания УСЕРДИЯ в воспитание собственной воли. В религии, до всего доходят не с первого чтения священных текстов. Я не порожаю в тебе сомнения - сам был в твоём состоянии, взяв много лет назад в руки оружие. Но я отложил его в сторону, после того как понял, что вера это не только любовь к Аллаху, но и любовь к людям, даже к тем, которых ты считаешь неверными. Но и они верят в Него, но говорят об этом на других языках. Из много, того, что должен постичь мусульманин, именно понятия терпения и взаимопонимания между людьми больше всего преподносится Кораном.

Люди созданы единым Творцом, но, называют Его разными именами. Возможно, именно это стало одним из первых разногласий, породивших в последующем и разное понимание слов заповедей продиктованных Ибрахиму и записанных им на камнях. По сути своей, в преклонении перед Творцом все едины, как едины в понимание божественного слова «Будь», давшее начало всему сущему.

Но на беду людей, в толпе всегда появляется, тот, кто скажет: “камень решит спор”. Он бросит камень в подобного себе человека, вся вина которого заключается в несогласии с чьим-то мнением. Не важно, какого размера этот камень, важно то, что он может послужить фундаментом новой войны. А война это горе, слёзы, кровь и смерть. Как ты думаешь, что больше всего запоминается: сладкий смех или горькие слёзы? Думаю слёзы потому, что они горькие, и оставляют на сердце ожоги. Заменяя разумное убеждение людей, их убийством, ты берёшь грех на душу, не исчерпав силу слов Аллаха. Запомни: слышащий человек, никогда не бывает безнадёжен. Убийство это лишь крайняя мера в убеждении человека. В языке любого народа слов о добре и милосердие больше чем слов об убийстве или наказании. Меньше, потому, что убийство и наказание всегда были лишь крайней мерой. Задумайся, почему убивающий не смотрит в глаза того, кого он убивает?

-Потому, что он не хочет видеть в глазах обречённого собственное отражение: беззвучное, бессердечное и наверно беспомощное.

У Аллаха было много тех, кого Он создал. Но только избранным Он давал право вершить чужую смерть во имя веры в Себя. Можешь ли ты назвать себя избранныком Аллаха? Нет, потому, что не понимаешь что такое терпение и милосердие”.

Но самым трудным для меня оказались его последние вопросы, обращённые ко мне:

- “Была ли твоя родина страной Ислама? От кого ты хочешь защищать Ислам на своей Родине, если твой народ считает себя частью мусульманского мира?”

Тогда я ему не ответил на эти вопросы. Да он и не настаивал на этом, сказав, что ответы нужны ни ему, а мне, но правдиво отвечаю я на них только по прошествию некоторого

времени. Наверное, это время пришло, но я боюсь ..., я боюсь правды звучащей в моих ответах!